

Терри Пратчетт

ШЛЯПА, ПОЛНАЯ НЕБА

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

Терри Пратчетт
Шляпа, полная неба
Серия «Плоский мир»
Серия «Ведьмы», книга 10

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18576681

Шляпа, полная неба: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-87859-8

Аннотация

Когда ты становишься ведьмой-ученицей, то ждёшь, что тебя научат колдовать. Варить зелья. Составлять заклинания. Летать на метле... Но, как выяснила Тиффани Болен, это не совсем так. По большей части ведьмовство – просто скучные повседневные дела, в которых нет ничего волшебного. И если главное в магии – не пользоваться магией, то Тиффани это отлично удаётся. Ведь девочка даже путанку, простейший магический инструмент, сплести не может... Правда, один фокус у неё всё-таки получается. Когда под рукой нет зеркала, Тиффани выходит из тела и смотрит на себя со стороны. Это очень удобно, если хочешь узнать, идёт ли тебе новое платье... И очень опасно, если не знаешь, как защитить себя. А Тиффани не знает. И значит, очень скоро ей придётся учиться быть ведьмой в экстремальных условиях!

Книга – лауреат премии Locus Award в номинации Young Adult Novel.

Впервые на русском языке!

Содержание

Введение	7
Глава 1	16
Глава 2	56
Глава 3	82
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Терри Пратчетт

Шляпа, полная неба

Copyright© Terry and Lyn Pratchett, 2003

First published as «A Hat Full of Sky» by Random House
Children's

Publishers UK, a division of The Random House Group Ltd.

Inside artwork © Paul Kidby, 2015 – www.paulkidby.net

© Аллунан Н., перевод на русский язык, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Введение

Из книги «Волшебные создания и как избежать встречи с ними» 2-жи Констанции Тик:

Нак-мак-Фигли

(они же пиксты, маленький свободный народец, крошечные человечки и неопознанные, предположительно вооружённые злоумышленники)

Нак-мак-Фигли – одни из самых опасных волшебных созданий, особенно в нетрезвом виде. Пьянство, грабежи и драки – их основные увлечения. Крадут всё, что не приколочено. А что приколочено, крадут вместе с гвоздями.

Однако те, кому удалось познакомиться с маленьким свободным народцем и остаться в живых, утверждают, что при всём при этом Нак-мак-Фигли отличаются преданностью, силой, упорством, храбростью и даже соблюдают что-то вроде кодекса чести (например, не воруют у тех, у кого нечего красть).

Типичный Фигль (женщины-пиксты встречаются редко, о них подробнее будет сказано ниже) около шести дюймов¹ ростом, рыжеволосый, синий от татуировок и краски (сделанной из растения под названием «вейда красильная») и, скорее всего, как раз собира-

¹ То есть примерно 15 см. 1 дюйм равен 2,54 см. (Примеч. ред.)

ется вам врезать – ведь если вам удалось разглядеть эти подробности, значит, вы подошли слишком близко.

Одет он в килт², сделанный из первой попавшейся тряпки, – отличительным знаком клана у Фиглей служат не цвета одежды, а татуировки. Возможно, он также носит шлем из кроличьего черепа. Фигли часто вплетают в волосы перья, бусины и вообще всё, что кажется им привлекательным. Почти наверняка Фигль имеет при себе меч, но скорее для вида – в бою пиксты предпочитают использовать ноги и голову.

История и религия

История происхождения Фиглей скрыта во Мгле Веков. Фигли рассказывают, что когда-то они жили в Волшебной стране, но Королева эльфов изгнала их, потому что они восстали против её жестокой тирании.

² *Килт* – колоритная деталь, доставшаяся Нак-мак-Фиглям от шотландских «собратьев». В нашем, Круглом, мире килты носили – и продолжают носить – шотландские горцы: это кусок шерстяной ткани, длиной до колена, обёрнутый вокруг бёдер и плиссированный сзади, скреплённый пряжками и ремешками. Не вздумайте назвать его юбкой, килт – одежда сурового воина! Килт может дополняться специальной сумочкой под названием спорран и особой декоративной булавкой: она крепится внизу и спереди для утяжеления ткани. Килты шьются из так называемого тартана – шерстяной ткани с традиционным клетчато-полосатым узором. Расцветка тартана является отличительным знаком клана или определённой местности (в нашем мире существует более трёх тысяч видов тартанов). Но, в отличие от шотландских килтов, расцветка килтов Фиглей символического значения не имеет.

Другие источники говорят, что их выгнали за пьянство.

Касательно религии Фиглей не известно почти ничего, за исключением единственного факта: они верят, что уже умерли. Им нравится наш мир, его яркое солнце, высокие горы, синее небо и изобилие тех, с кем можно подраться. Не может быть, чтобы такой прекрасный мир был доступен для всех, утверждают они. Должно быть, это что-то вроде рая или Валгаллы³, куда попадают после смерти отважные воины. Следовательно, рассуждают Фигли, они уже прожили свои жизни где-то ещё и попали сюда после смерти за хорошее поведение.

Абсолютно неверное и абсурдное утверждение, ведь, как мы знаем, на самом деле всё обстоит как раз наоборот.

Когда кто-то из Фиглей умирает, его не сильно оплакивают. Единственное, о чём горюют его братья, это что он слишком мало пробыл здесь, прежде чем

³ *Валгалла*, «дворец павших» – так называется чертог Одина, верховного божества в германо-скандинавской мифологии, в Асгарде, небесном городе богов. Это огромный зал с крышей из золочёных щитов, подпёртых копьями, и 540 дверями. В Валгаллу попадают лучшие воины, погибшие в битве с оружием в руках (ещё бы! ведь именно им суждено выступить на стороне богов в последней битве между богами и чудовищами); о таком завидном посмертии мечтает любой доблестный воитель. Целыми днями эйнхерии – обитатели Валгаллы – сражаются насмерть, снова воскресают и садятся за стол пировать. Фиглям, большим любителям «дракс и пойло жракс», в Валгалле бы, безусловно, понравилось.

вернуться в мир живых или, как они его ещё называют, Догробный мир.

Места обитания и быт

Фигли предпочитают селиться в могильных курганах древних правителей, обустроивая себе среди золота и сокровищ уютные пещерки. На таких курганах обычно растут терновник и бузина. Особенно Фигли любят старые деревья, прогнившие изнутри, – пустой ствол служит им дымоходом. И конечно же, в таком кургане есть кроличья нора. Она выглядит в точности как кроличья нора, вокруг неё даже разбросан кроличий помёт и, если на Фиглей нашло особое вдохновение, клочья кроличьей шерсти.

Внизу, под землёй, находится дом Фиглей. Он во многом напоминает пчелиный улей, только мёда там куда как меньше, зато жал – хоть отбавляй.

Причина сходства в том, что среди Фиглей крайне мало женщин. Возможно, именно поэтому женщины маленького свободного народца рожают множество детей, очень часто и очень быстро. Новорожденные младенцы размером не больше горошины, но при правильном питании удивительно быстро растут. Фигли стараются селиться рядом с людьми, чтобы можно было воровать коровье и козье молоко для детей.

«Царица» клана зовётся кельдой. Мужа кельды на-

зывают Большим Человеком клана. Она постоянно рождает сыновей, так что к тому времени, когда кельда достигает преклонного возраста, клан большей частью состоит из её детей. Когда рождается девочка (что бывает очень и очень редко), мать воспитывает её сама, передавая ей тайное знание кельд – так называемые таинства. Как только девочка превращается в девушку, она покидает родной клан и отправляется в путь, взяв с собой нескольких братьев для защиты.

Чаще всего рано или поздно она находит клан, которому нужна новая кельда. Но иногда, очень редко, девушка собирает Фиглей из разных кланов и основывает свой, совершенно новый клан в незанятом кургане. Так или иначе, новоиспечённая кельда обязана выбрать себе мужа, после чего она полностью вступает в свои права и слово её становится законом для всех членов клана. Однако после замужества она если и выходит из-под земли, то недалеко и ненадолго. Кельда правит в своём доме, но покинуть его не может. Таким образом, она является одновременно королевой и пленницей.

Перевод некоторых слов и выражений Фиглей, с поправкой на требования приличий

Бураны – покрытые густой шерстью создания, ко-

которые едят траву и блеют. Не путать с известным погодным явлением.

Верзуны – люди.

Гюйс – очень важное обязательство, нарушить которое невозможно в силу традиций и магического подкрепления. Не пернатое⁴.

⁴ *Гюйс – очень важное обязательство, нарушить которое невозможно в силу традиций и магического подкрепления. Не пернатое.* Обыгрывается такое понятие как *гейс* (др.-ирл. *geis*, гэльск. *geas*) – запрет или табу в Ирландии, распространённый в древности и часто упоминавшийся в ирландских сагах. Гейсы назначались в качестве наказания – или, наоборот, при вручении ценных даров (дарование имени, женитьба, вступление на царство), чтобы не прогневать нена роком высшие силы излишним благополучием. Гейсом пользовались как могучим оружием. Так, красавица Грайinne, влюбившись в Диармайда, угрожает ему: «Я наложу на тебя опасные и губительные гейсы, если ты не уведёшь меня из этого дома нынче же вечером». Гейсы могли противоречить друг другу, но были обязательны к исполнению (даже если исполнение их того гляди обернётся крупными неприятностями). Так, один из величайших героев ирландских саг Кухулин (чьё имя означает «пёс Куланна») принимает гейс не есть мясо своего тёзки, и одновременно находится под гейсом, запрещающим нарушать законы гостеприимства и отказываться от предложенной пищи; однажды он оказывается в ситуации, когда вынужден нарушить либо один гейс, либо другой. Считалось, что тот, кто нарушил гейс, умрёт в день Самайна (кельтский праздник окончания уборки урожая и наступления нового года; начинал праздноваться в ночь с 31 октября на 1 ноября. Позже Самайн трансформировался в Хеллоуин, «Вечер всех святых»). Если гейс нарушал король, на его землю обрушивались всевозможные бедствия; на долю короля обычно доставались гейсы самые разнообразные. Так, в саге «Разрушение дома Да Дерга» на Конайре, которому суждено было стать Верховным королем Ирландии, лежат следующие гейсы: «Нельзя убивать тебе диких зверей Керны», «Каждую девятую ночь не можешь ты покидать пределы Тары», «Да не войдут в твоё жилище после захода солнца одинокий мужчина или женщина» – и многие другие. И мы можем предположить, что и на Плоском

Заморочный – жуткий, странный, иногда – почему-то – продолговатый.

Карга – ведьма, независимо от возраста.

Карговство – всё, что делает ведьма.

Нахрюкаться – меня заверили, что это означает переутомиться.

Ой-ёи-ёи – традиционное причитание.

Особая овечья притирка – прошу прощения, но это, скорее всего, не что иное, как самогон. Никто не знает, как притирка действует на овец, но говорят, капелька этого напитка согреет пастуха в холодную зиму, а Фигля – в любое время года. Не пытайтесь изготовить её самостоятельно.

Разбрედовина – чепуха, глупость.

Раскудрить! – восклицание, которое может означать всё что угодно, от «надо же» до «моё терпение лопнуло – спасайся, кто может!».

Расхляй – см. угрязок.

Старукса – женщина преклонного возраста.

Судьбонос – важное событие в жизни, которое может оказаться роковым.

Таинства – секреты, тайны.

Тубзя – туалет.

Угрязок – бесполезный член общества.

мире магический запрет, наложенный на главу клана, будет иметь особое значение, а его нарушение – особенно неприятные последствия.

Чувырла – очень нехороший человек/зверь/другое.

Чучундра – нехороший человек/зверь/другое.

Глава 1

Отъезд

Потрескивая, оно парило по-над холмами, словно невиди-

мый туман. Двигаться без тела было утомительно, и оно летело очень медленно. Не думало ни о чём. Вот уже много месяцев его не посещало ни единой мысли, потому что мозг, служивший для него вместительным хранилищем мыслей, умер. Они всегда умирают. И вот теперь оно вновь беззащитно, вновь одержимо страхом.

Оно могло бы найти пристанище в одном из пухлых белых существ, что тревожно блеяли, пока оно катилось по лугам. Но эти существа были способны думать лишь о траве и о том, как делать других таких же пожирателей травы. Нет. Их мозг не подойдёт. Нужно что-то получше – могучий разум, наделённый силой, разум, где можно будет почувствовать себя в безопасности...

Оно искало...

Новые башмаки никуда не годились. Они были блестящие и негнущиеся. Блестящие башмаки! Стыд и срам... То ли дело – чистые башмаки. Привести башмаки в порядок, смазать, чтобы не промокали, – в этом нет ничего плохого. Но башмаки нужны, чтобы ходить, а не чтобы блеснуть.

Тиффани Болен покачала головой, стоя на полочке в своей комнате. Надо будет постараться поскорее придать новым башмакам приличный обшарпанный вид.

Ещё на ней была новая соломенная шляпка, украшенная лентой. Насчёт шляпы у неё тоже имелись сомнения.

Она посмотрела на себя в зеркало, но зеркало было

немногим больше ладони, всё потрескавшееся и в пятнах. Приходилось водить им вокруг, разглядывая себя по кусочку, а потом пытаться мысленно составить из этих кусочков общую картину.

Но сегодня – особенный день. Что ж, ладно. Она старалась не делать так дома, однако сейчас очень важно выглядеть достойно, а поблизости всё равно никого нет...

Тиффани положила зеркальце на шаткий столик у кровати, встала на середину потёртого половичка, закрыла глаза и сказала:

– Меня видно.

И вдалеке, среди холмов, нечто без тела, без разума, способное лишь страдать от неутолимого голода и бесконечного ужаса, ощутило силу.

Будь у него нос, оно бы принюхалось.

Оно искало.

Оно нашло.

Какой странный разум – словно много-много разумов, вложенных один в другой! Но такой могучий! И так близко!

Оно чуть изменило направление и стало двигаться немного быстрее.

Овцы, почувствовав, что сквозь них проходит что-то невидимое, неслышимое и необоняемое, заблеяли в испуге...

...и вновь принялись жевать траву.

Тиффани открыла глаза. И увидела себя. В нескольких шагах от себя. Она смотрела на собственный затылок.

Осторожно, чтобы не разрушить чары, глядя только на ту себя, что снаружи, но не на ту, что смотрит, Тиффани двинулась по кругу.

Двигаться таким образом было нелегко, но вот наконец она стоит перед собой и разглядывает себя с головы до ног.

Волосы, как и глаза, скучного коричневого цвета... Ну, с этим ничего не поделаешь. По крайней мере, они чистые, и лицо тоже.

Платье на ней было новое, и это отчасти спасало положение. В семье Боленов редко обзаводились новой одеждой, и платье, конечно же, купили на вырост. Зато оно было светло-зелёное и даже не волочилось по полу. В этом новом платье, сверкающих башмаках и соломенной шляпке она выглядела как... как фермерская дочка, порядочная и чистенькая, которая впервые едет на заработки. Сойдёт.

Тиффани видела и другую шляпу у себя на голове, остроконечную, но чтобы разглядеть её, приходилось напрягаться – полупрозрачный отблеск исчезал, стоило посмотреть на него прямо. Это из-за неё Тиффани сомневалась, надевать ли новую соломенную шляпку, но соломенная шляпка сидела у неё на голове так, будто другой шляпы вовсе не было.

Потому что в некотором смысле её и не было. Увидеть её можно было только в дождь. Солнце и ветер проникали

сквозь шляпу свободно, но дождь и снег чувствовали её присутствие и вели себя так, будто она настоящая.

Эту шляпу Тиффани дала величайшая ведьма в мире, самая настоящая ведьма, в чёрном платье и чёрной шляпе, с таким пронизывающим взглядом, что кого угодно пронзал насквозь и вылетал с другой стороны, прямо как скипидар, когда им лечат овец. Шляпа была как бы наградой. Тиффани тогда сотворила волшебство – настоящую, серьёзную магию. До того момента она и не знала, что способна на чудеса. А когда колдовала, то не знала, что колдует. И после не могла сказать, как ей удалось сделать то, что она сделала. И вот чтобы понять это, Тиффани и отправлялась учиться.

– Меня не видно, – сказала она.

Вторая Тиффани поплыла перед собственными глазами – ну, или не перед глазами, пойдя разберись, – и исчезла.

Когда этот фокус получился у неё в первый раз, Тиффани страшно разволновалась. Но, с другой стороны, ей всегда легко было представить себя со стороны. Она запоминала события, как сцены с собственным участием, а не так, будто смотрит на всё сквозь две дырки в черепе. Часть Тиффани постоянно приглядывала за Тиффани.

Мисс Тик – ещё одна ведьма, но более общительная, чем та, что вручила шляпу, – говорила: ведьма должна уметь отстраняться от происходящего, и этому Тиффани тоже предстоит научиться. Наверное, решила Тиффани, «меня видно» – часть этого умения.

Иногда она думала, не спросить ли про «меня видно» у мисс Тик. Когда Тиффани произносила эти слова, она словно делала шаг в сторону и покидала собственное тело, и обретала какое-то другое, призрачное, но способное ходить. Однако стоило ей опустить взгляд и увидеть себя призрачную, как чары рассеивались – часть её пугалась и спешила вернуться обратно в настоящее тело. В конце концов она решила ничего не говорить мисс Тик. Не обязательно же рассказывать учителям *обо всём*. Да и вообще, это полезное умение, когда под рукой нет зеркала.

Мисс Тик занималась тем, что выявляла ведьм⁵. Так, насколько поняла Тиффани, было среди них заведено: некоторые ведьмы при помощи магии следили, не появится ли где-нибудь одарённая девочка, и отправляли её на обучение к кому-нибудь постарше и поопытней. Никто не будет тебе объяснять, как делать чудеса. Тебе объяснят, как ты их делаешь.

Ведьмы в чём-то похожи на кошек. Они не любят собираться вместе, но предпочитают знать, где найти себе подобных, если вдруг понадобится. А понадобится это может в том случае, если ведьма вдруг начнёт побрякивать и про-

⁵ Мисс Тик занималась тем, что выявляла ведьм. В Круглом мире род занятий мисс Тик носил гораздо более зловещий характер: «ведьмознатцем» (witchfinder) – «тем, кто выявляет ведьм» – во времена охоты на ведьм в Европе (особенно в XVII веке) называли следователя, который искал и добывал свидетельства против предполагаемых ведьм, чтобы привлечь их к суду. На протяжении всей книги Т. Прагчетт обыгрывает ряд понятий, связанных с охотой на ведьм, используя их в безобидном смысле, вопреки историческому контексту (см. *Испытания Ведьм, Испытание Водой*).

тивно хихикать. Тогда другие ведьмы скажут ей об этом – по-дружески.

Ведьмы почти ничего не боятся, объясняла мисс Тик, но самые опытные и могущественные, хоть и не говорят об этом вслух, боятся того, что они называют «обратиться ко злу». Слишком легко позволить себе одну-другую маленькую жестокую выходку только потому, что у тебя есть сила, а у других её нет; слишком легко начать думать, что люди вокруг мало что значат; слишком легко решить, что представления о добре и зле распространяются на кого угодно, только не на тебя. Но стоит пойти по этой дорожке, и кончишь свои дни одна-одиёшенька в пряничном домишке, мерзко хихикая, пуская слюни и выращивая бородавки на носу.

Всякая ведьма должна знать, что другие ведьмы не спускают с неё глаз.

Вот за этим, подумала Тиффани, и нужна шляпа. Если закрыть глаза, можно коснуться невидимой тульи и полей. Это напоминание...

– Тиффани! – крикнула снизу мама. – Мисс Тик пришла!

Накануне Тиффани попрощалась с матушкой Болен...

Железные колёса глубоко вросли в землю выше по склону холма. Круглая пузатая печурка, косо стоявшая на траве, порыжела от ржавчины. Скоро Меловые холмы поглотят их, как они поглотили матушку Болен.

Саму кибитку сожгли в день похорон. Ни один пастух не осмелился бы использовать её, не говоря уже о том, чтобы провести в ней ночь. Матушка Болен занимала важное место в головах людей, и заменить её было нелегко. Ночью и днём в любое время года она была воплощением самих холмов: их лучший пастух, хранительница их мудрости и памяти. Словно душа зелёных лугов, ходила она по окрестностям в старых башмаках и холщовом фартуке, посасывая вонючую старую трубку и потчуя овец скипидаром.

Пастухи говорили, что небо синее, потому что матушка Болен на него глазее. Они называли маленькие летние облачка ягнятами матушки Болен. И хотя пастухи улыбались при этих словах, они не то чтобы просто шутили.

Ни один пастух не мог и подумать о том, чтобы поселиться в её кибитке. Ни один.

И поэтому они срезали дёрн, опустили матушку Болен в толщу мела, уложили дёрн обратно и полили его, чтобы не осталось и следа. А кибитку сожгли.

Овечья шерсть, табак «Весёлый капитан» и скипидар...

...так пахли пастушья кибитка и матушка Болен – бабушка Тиффани. Запахи запоминаются накрепко, проникают в самое сердце и остаются там. Тиффани достаточно было вдохнуть их, чтобы снова очутиться в тепле, тишине и покое кибитки. Раньше она шла туда, когда ей было грустно и когда была счастлива. И знала, что матушка Болен улыбнётся, заварит чаю и промолчит. И ничего плохого не могло случить-

ся в той пастушьей кибитке. Она была надёжной твердыней, которая устояла бы против всего мира. Даже теперь, когда бабушки больше не было, Тиффани нравилось подниматься сюда.

Тиффани стояла на том самом месте, а ветер шевелил траву, и колокольчики овец, пасущихся вдалеке, глухо блямкали.

– Мне надо... – Она прокашлялась. – Мне надо уехать. Я должна научиться настоящему ведьмовству, а здесь меня некому научить, понимаешь? Я должна... приглядывать за холмами, как это делала ты. Я умею... я много чего могу, но ничего толком не знаю, а мисс Тик говорит, если чего-то не знаешь, оно может тебя убить. И я хочу уметь всё, как ты. Я вернусь! Я скоро вернусь! Обещаю, я вернусь лучше, чем сейчас!

Голубая бабочка, подхваченная порывом ветра, опустилась на плечо Тиффани. Сложила крылышки раз, другой... улетела.

Матушка Болен никогда не умела хорошо обращаться со словами. Она любила помолчать и собирала тишину к тишине, как другие сматывают в клубок обрывки верёвок. Она умела так ничего не сказать, что сразу всё становилось понятно.

Тиффани постояла ещё немного, чтобы слёзы высохли, потом повернулась и пошла вниз по склону. За её спиной неугомонный ветер вихрился вокруг старых колёс и свистел

в трубе старой печки. Жизнь продолжалась.

В том, чтобы девочка возраста Тиффани отправилась куда-то «в услужение», не было ничего особенного. Обычно девочки работали горничными или служанками. По традиции, начинать следовало с помощи по хозяйству одинокой старой женщине. Старушка не сможет платить много, но, с другой стороны, это ведь твоя первая работа, многого ли ты заслуживаешь...

Дома, на Родной ферме, Тиффани почти в одиночку справлялась с делами в молочне, ей только большие бидоны с молоком самой было не поднять. Поэтому родители совершенно не ожидали, что она захочет отправиться куда-то, чтобы работать прислугой. Но Тиффани сказала: ведь все так делают. Полезно немного посмотреть мир. Познакомиться с новыми людьми. Никогда не знаешь, что из этого выйдет.

Этот довод, как ни странно, убедил маму. У мамы Тиффани была богатая тётка, которая когда-то поступила в большой господский дом посудомойкой, потом стала горничной и наконец дослужилась до экономки и вышла замуж за дворецкого, и они жили в красивом доме. Конечно, дом им не принадлежал, и они занимали в нём лишь крохотный уголок, но всё равно тётка матери считалась почти что знатной дамой.

Тиффани не хотела становиться знатной дамой. Это была просто уловка. И мисс Тик ей подыграла.

Ведьмам не положено брать денег за свою работу, поэтому они обычно владеют ещё каким-нибудь ремеслом. Мисс Тик, например, была ведьмой, маскирующейся под учительницу. Она бродила с места на место вместе с табором других учителей, норотивших научить кого-нибудь чему-нибудь в обмен на еду и старую одежду.

Это было очень удобно, поскольку позволяло странствовать по округе, не вызывая подозрений, – жители холмов не доверяли ведьмам. Они думали, что ведьмы пляшут при луне без ничего. (Тиффани исследовала этот вопрос и успокоилась, узнав, что это не обязательно. Хотя, если очень хочется, можно и поплясать, только лучше сначала убедиться, что поблизости нет крапивы, чертополоха и ежей.)

Если уж на то пошло, люди и бродячим учителям не особенно доверяли. Поговаривали, они таскают кур и крадут детей (что в каком-то смысле было правдой). А ещё они ходят от деревни к деревне с ярко раскрашенными повозками, в длинных балахонах с кожаными заплатами на локтях, в странных квадратных шляпах. И говорят между собой на тарабарском языке – всякие там «*Alea jacta est*» и «*Quid pro quo*»⁶. Мисс Тик ничего не стоило затеряться среди них. Её ведьмовская шляпа была особенной модели, приспособ-

⁶ В нашем мире этот язык называют латинским, а на Диске – лататинским. «*Alea jacta est*» – «Жребий брошен» – слова, которые, по легенде, произнёс Юлий Цезарь, перейдя реку Рубикон перед тем, как начать гражданскую войну в Риме. «*Quid pro quo*» означает «услуга за услугу». (*Примеч. перев.*)

ленной для ведьм-лазутчиц: она выглядела как обычная соломенная чёрная шляпка с цветами и, только если потянуть за потайную верёвочку, становилась остроконечной.

Весь минувший год Тиффани проявляла такой интерес к учёбе, что её мама только диву давалась и даже немного беспокоилась. Учёба, считали в холмах, конечно, помогает идти в ногу со временем, но в больших дозах может вызвать нервное расстройство.

А месяц назад пришла весточка: «Приготовься».

Мисс Тик, в своей шляпе с цветами, пришла на ферму и поведала родителям Тиффани, что некая пожилая женщина в горах, прослышав о невероятной искущённости девочки в изготовлении сыров, хотела бы нанять её в качестве служанки. Тиффани будут полагаться четыре доллара в месяц и отдельная кровать, а на Страшдество хозяйка отпустит её на неделю домой.

Тиффани хорошо знала своих родителей. Три доллара было бы маловато, а пять – подозрительно много, но искущённость в сырах наверняка стоит лишнего доллара. И отдельная кровать – это ведь тоже немало. (Пока почти все сёстры Тиффани не повыходили замуж, девочкам приходилось делить одну кровать на двоих.) Предложение звучало очень заманчиво.

Манеры и вид мисс Тик немного напугали родителей Тиффани, но их с детства приучили уважать людей, которые знают больше, чем они. Если человек умеет выговаривать вся-

кие длинные слова, значит, это важная персона, никак иначе. Поэтому родители согласились.

Тиффани случайно услышала их разговор тем же вечером, когда отправилась наверх спать. Ведь если чисто случайно поставить на пол стакан вверх доньшком и чисто случайно приложить к нему ухо, можно случайно услышать всё до последнего слова.

Папа сказал, что Тиффани совершенно ни к чему никуда ехать.

Мама сказала, что девочкам всегда любопытно посмотреть мир, так вот пусть Тиффани и посмотрит его с толком и пользой. Кроме того, она способная и голова у неё на плечах имеется. Да и если она будет стараться, то, кто знает, может, однажды станет прислугой у настоящих господ, вот как тётя Хетти. И тогда их дочка будет жить в доме, где даже туалет не во дворе.

Отец сказал: скоро она поймёт, что полы скоблить всё равно где.

Мать сказала: ну что ж, тогда ей станет скучно, и она через год вернётся. И кстати, что такое «искущённость»?

«Опыт и знания», – подумала Тиффани. У них дома был большой толковый словарь. Мама старалась туда не заглядывать – от одного вида такого множества слов ей становилось не по себе. Тиффани прочитала словарь от корки до корки.

В итоге всё уладилось, и вот, месяц спустя, Тиффани уже заворачивает свои старые, ношенные до неё всеми сёстрами

башмаки в чистую рогожку и убирает их в чемодан. Этот подержанный чемодан купила ей мама – он был сделан то ли из хлипкого картона, то ли из прессованных виноградных косточек пополам с ушной серой, и его приходилось обвязывать верёвкой, чтобы не распахнулся или не развалился в дороге.

Настало время прощаться. Тиффани всплакнула чуть-чуть, мама расплакалась вовсю, и Винворт, младший брат Тиффани, тоже разревелся в надежде получить конфетку. Отец не плакал, но дал Тиффани серебряный доллар и хриплым голосом наказал ей писать домой каждую неделю – то есть тоже как бы разрыдался, только по-мужски. Она попрощалась с сырами в молочне, с овцами в загоне и даже с котом Крысодавом.

Потом все, кроме сыров и кота, стояли в воротах и махали, пока Тиффани и мисс Тик – ах да, овцы тоже не махали! – пока Тиффани и мисс Тик не спустились по склону почти до самого просёлка, ведущего в деревню.

Дорога была молочно-белой от мела. Стояла тишина, только их башмаки стучали по убитой колее, да жаворонки в небе пели свою неумолчную песню. Был конец лета, очень жарко, и новые башмаки жали.

– На твоём месте я бы сняла их, – сказала мисс Тик чуть погодя.

Тиффани села у обочины и достала из чемодана старые башмаки. Она не стала спрашивать, откуда мисс Тик узна-

ла, что новые жмут. Ведьмы замечают всё. Старые башмаки, хоть под них и приходилось поддевать несколько пар носков, были гораздо удобнее. Они начали ходить задолго до рождения Тиффани и успели поднатореть в этом деле.

– Мы сегодня увидим каких-нибудь... человечков? – спросила мисс Тик, когда они снова тронулись в путь.

– Не знаю, мисс Тик. Я ещё месяц назад сказала им, что уезжаю. В это время года у них очень много дел. Но один или двое всегда наблюдают за мной.

Мисс Тик быстро огляделась:

– Я ничего не вижу. И не слышу.

– Да, именно так и можно узнать, что они где-то рядом. Когда они здесь, становится чуточку тише, чем обычно. Но они не покажутся, пока вы со мной. Они немного побаиваются любую... каргу. Это они так всех ведьм называют, – поспешно пояснила Тиффани. – Ничего личного.

Мисс Тик вздохнула:

– Когда я была маленькой, мне ужасно хотелось посмотреть на пикстов. Я постоянно ставила где-нибудь блюдце с молоком. Теперь-то я понимаю, как ошибалась.

– Да, надо было налить чего-нибудь покрепче, – сказала Тиффани.

Она взглянула в сторону, и ей показалось, что возле изгороди мелькнули и исчезли чьи-то рыжие космы. Она улыбнулась, однако на душе у неё было немного беспокойно.

Тиффани, пусть и всего несколько дней, была почти что королевой эльфов – насколько это вообще возможно для человека. Правда, на самом деле она звалась не королевой, а кельдой, а Фиглей называть эльфами и подавно не стоит, если не хотите, чтобы вам навалили по первое число. С другой стороны, Нак-мак-Фигли всегда готовы лихо и весело навалить кому-нибудь: когда рядом нет врагов, они дерутся между собой, а если Фигль надолго остаётся в одиночестве, он лупит себя по носу, просто чтобы не потерять навык.

С формальной точки зрения они всё-таки были волшебным народцем, потому что когда-то жили в Волшебной стране, мире эльфов. Но их изгнали оттуда – возможно, за пьянство. И свою кельду, пусть её «правление» и продолжалось всего несколько дней, пиксты никогда не забудут...

Они всегда где-то рядом.

Кто-нибудь из них постоянно шнырял на ферме или парил верхом на канюке высоко над меловыми склонами холмов. Они приглядывали за Тиффани, готовые прийти ей на помощь, хотела она того или нет. Тиффани очень старалась их не обидеть. Она спрятала свой дневник поглубже в ящик стола, проконопатила бумагой стены уборной и сделала, что смогла, с половицами в спальне. Пиксты ведь хоть и маленькие, но *мужчины*. Тиффани не сомневалась, что они стараются оставаться незамеченными, просто чтобы её не беспокоить. Но она очень хорошо научилась их видеть.

Они исполняли желания – не те три желания из сказок,

вечно обращающиеся бедой, а обычные, повседневные. Нак-мак-Фигли – невероятно сильные и бесстрашные существа и способны двигаться очень быстро. К сожалению, они плохо понимают, что человек не обязательно имеет в виду то, что говорит. Однажды в молочне Тиффани вздохнула, когда резала сыр: «Эх, был бы у меня нож поострее...» – и едва она успела договорить, как перед ней в столешницу вонзился кончик самого острого из маминых ножей.

Сказать: «Вот бы дождь наконец перестал», пожалуй, ничем не грозило – пиксты не владеют настоящей магией. Но Тиффани научилась быть очень осторожной с желаниями, если их могут исполнить маленькие, упорные, сильные, бесстрашные и проворные человечки, которые вдобавок не прочь под настроение хорошенько отпинать кого-нибудь.

Со словами надо было соблюдать осторожность. Тиффани и раньше не пришло бы в голову заявить: «Ах, как бы мне хотелось выйти замуж за прекрасного принца!», но теперь она и подавно трижды подумала бы, прежде чем брякнуть такое. А то ещё откроешь дверь, а за ней стоит пристукнутый и ничего не понимающий принц, связанный священник и довольный Фигль в качестве шафера.

Но порой, хотя и по чистой случайности, Фигли и впрямь делали что-нибудь хорошее, и Тиффани в благодарность выносила из дома и оставляла в неприметном месте всякие вещицы, которые не особенно нужны людям, но могли бы при-

годиться маленьким человечкам – ложечки для горчицы, булавки, супницу, подходящую по размерам в качестве ванны для Фиглей, и мыло на случай, если они не поймут намёка. Мыло они не взяли.

Последний раз Тиффани навещала Фиглей у них дома, в старом погребальном кургане высоко в холмах, когда получила приглашение на свадьбу Явора Заядло и Джинни. Явор Заядло был Большим Человеком местного клана, а Джинни пришла из клана Долгого озера, чтобы стать новой кельдой и нарожать множество детей, как пчелиная матка.

На свадьбу явились и Фигли из других кланов: больше пирушек пиксты любят только большие пирушки, а больше больших пирушек – только большие пирушки, на которых угощают задарма. Тиффани, по правде говоря, чувствовала себя немного неловко, ведь она была раз в десять выше самого высокого из гостей. Но обращались с ней очень вежливо, а Явор Заядло даже произнёс длинную речь, где называл её «наша мила грамазда мал-мал карга», и только потом упал лицом в пудинг. В пещере было очень жарко и шумно, однако Тиффани осталась. На пол положили крошечный, под стать Фиглям, веник, и Джинни под приветственные вопли собравшихся перетащила через него Явора Заядло. Вообще-то по традиции жених с невестой должны были вместе перепрыгнуть через веник, однако по той же традиции ни один уважающий себя Фигль на собственной свадьбе к этому времени уже не держится на ногах.

Тиффани заранее предупредили, что после церемонии с веником ей лучше будет уйти, потому что далее в программе значилась традиционная же драка между кланами невесты и жениха, которая могла затянуться до пятницы.

Тиффани на прощание поклонилась невесте, как принято между кельдой и каргой, и хорошенько рассмотрела её. Джинни была маленькая и очень хорошенькая. А ещё она высоко держала голову, и взгляд её тоже выдавал сильный характер. Девочки у Нак-мак-Фиглей рождаются редко и с раннего детства знают, что однажды станут кельдами. Тиффани подозревала, что в ближайшем будущем Явор Заядло откроет для себя некоторые особенности семейной жизни.

Ей было жаль уезжать от Фиглей, но не слишком сильно. В конце концов, Тиффани уже исполнилось одиннадцать, и в таком возрасте как-то не пристало лазать в кроличьи норы, чтобы поболтать с маленькими человечками.

Кроме того, Джинни напоследок так глянула на неё... Мимолётным, но очень тяжёлым взглядом. Нетрудно было понять, что он означает. Тиффани ведь несколько дней считалась кельдой и невестой Явора Заядло, пусть им и пришлось назначить день свадьбы только для того, чтобы соблюсти традиции. И взгляд Джинни говорил: «Он мой! И этот дом – мой! Держись от нас подальше! Я не хочу, чтобы ты приходила!»

Тиффани и мисс Тик шли по просёлочной дороге, и вместе с ними двигался островок тишины: всё, что обычно шуршало в живых изгородях, замирало, когда рядом оказывались Нак-мак-Фигли.

Дойдя до небольшой лужайки, они сели и стали ждать телегу. Через пять часов очень неспешной езды с местным возчиком они доберутся до местечка под названием Дверубахи, где можно сесть в большой дилижанс, идущий до самых гор и даже дальше. Родители думали, что Тиффани с мисс Тик так и поступят.

Телега уже показалась вдаль, когда по лугу глухо застучали копыта. Тиффани обернулась – и её сердце разом и подпрыгнуло, и провалилось куда-то.

Это был баронский сын Роланд верхом на красивом чёрном коне. Он спрыгнул на землю, не дожидаясь, пока конь остановится, и смущённо замер.

– Ой, какой там интересный... э-э... камень. Я пойду посмотрю его поближе, хорошо? – прошебетала мисс Тик приторно-сладким голоском.

Тиффани захотелось её ущипнуть.

– Э-э... выходит, ты уезжаешь, – выдавил Роланд, когда мисс Тик поспешно удалилась.

– Да, – сказала Тиффани.

Казалось, мальчишка вот-вот лопнет от неловкости.

– Это тебе, – сказал Роланд. – Я купил у одного ремесленника во Взвое. – Он протянул ей небольшой свёрток из мяг-

кой бумаги.

Тиффани взяла подарок и аккуратно спрятала в карман.

– Спасибо, – сказала она и сделала небольшой реверанс.

Вообще-то девушкам и положено приседать в реверансе перед господами, но Роланд от этого краснел и начинал заикаться.

– О-открой его потом, – промямлил он. – Надеюсь, тебе понравится.

– Спасибо, – вежливо повторила Тиффани.

– Э-э... вон телега уже едет. Поспеши, а то ещё уйдёт без тебя.

– Спасибо. – Тиффани снова чуть присела в реверансе, просто чтобы закрепить результат.

Это, конечно, было немного жестоко, но иногда жестокость необходима.

И вообще, упустить эту телегу было очень трудно. Её за-просто можно было обогнать трусцой. Она двигалась так медленно, что остановка ни для кого не оказывалась сюрпризом.

Скамеек в ней не было. Хозяин телеги постоянно объезжал деревни по кругу и подвозил вещи и иногда людей. Пассажирам приходилось устраиваться среди ящиков с фруктами и рулонов полотна.

Тиффани села сзади, свесив ноги в старых башмаках. Телега покатила по ухабистой дороге. Ноги Тиффани покачивались взад-вперёд.

Мисс Тик устроилась рядом, и её чёрное платье вскоре по колено припорошило мелом.

Тиффани заметила, что Роланд остался стоять, глядя им вслед, и только когда они почти перестали видеть друг друга, запрыгнул на лошадь.

И она хорошо знала мисс Тик – её наверняка так и распирало от любопытства. Ведьмы терпеть не могут чего-то не знать. И когда деревня осталась позади, мисс Тик, основательно поёрзав и покашляв, спросила-таки:

– Разве ты не хочешь посмотреть?

– Посмотреть что? – отозвалась Тиффани, не поворачивая головы.

– Подарок, который дал тебе этот юноша.

– А я-то думала, вы изучали интересный камень, мисс Тик, – с упрёком сказала Тиффани.

– Ну, он оказался не таким уж и интересным, – ничуть не смутилась ведьма. – Так что? Ты его развернёшь?

– Попозже, – сказала Тиффани.

Ей не хотелось говорить о Роланде, ни сейчас, ни, если уж на то пошло, вообще когда-либо. Не то чтобы он ей не нравился. Она встретила его в мире Королевы эльфов и вроде как спасла, хотя сам Роланд этого не помнит, потому что большую часть времени был без сознания. Нетрудно потерять сознание, напоровшись на банду взвинченных Фиглей. И разумеется, хотя никто из них не сказал ни слова неправды, дома все решили, что это Роланд спас Тиффани. Не мог-

ла же, в самом деле, девятилетняя девочка, вооружённая скорородкой, спасти тринадцатилетнего парня с мечом.

Тиффани это вполне устраивало. Так люди не задавали вопросов, на которые она не хотела, да и не могла ответить. Но Роланд завёл привычку... болтаться поблизости. Они чисто случайно натыкались друг на друга куда чаще, чем это возможно. И если Тиффани шла на праздник или ещё какое событие в деревне, там непременно оказывался и Роланд. Он всегда держался очень вежливо, но смотрел глазами спаниеля, получившего пинка, а Тиффани это бесило до крайности.

Вообще-то следовало признать (как бы трудно это ни было), что Роланд уже не такой тупица, как когда-то. Но, с другой стороны, он изначально был настолько тупым, что над заточкой ещё работать и работать.

«Лошадь», – вдруг подумала Тиффани, сама не зная, к чему. А потом поняла, что пока мыслями она была далеко, её глаза смотрели вокруг.

– Я такого никогда раньше не видела, – сказала мисс Тик.

А Тиффани обрадовалась Лошади, как старой знакомой. Мел здесь вздымался вверх, и между холмов покоилась небольшая уютная долина. На её крутом склоне было что-то вроде рисунка: кто-то убрал дёрн длинными плавными линиями, так что полосы обнажённого мела сложились в изображение лошади.

– Это Белая Лошадь⁷, – сказала Тиффани.

⁷ *Белая Лошадь* – эта стилизованная доисторическая меловая фигура в Меловых холмах Плоского мира в точности списана Т. Пратчеттом с реально существующей достопримечательности английского графства Оксфордшир (исторически Беркшир), знаменитой Уффингтонской Белой Лошадью. Гигантский геоглиф (т. е. нанесённый на землю рисунок) длиной 110 м украшает собой склон известнякового холма Белой Лошадью в двух с половиной километрах к югу от деревушки Уффингтон; а холм, в свою очередь, глядит сверху вниз на долину Белой Лошадью на севере. Из всего множества английских меловых фигур это единственный геоглиф, доисторическое происхождение которого не подлежит сомнению. Фигура была создана в период поздней бронзы и раннего железа (800–700 годов до н. э.): обитатели близлежащего городища выкопали глубокие рвы и заполнили их меловой крошкой. А для того, чтобы изображение не заросло травой, его из поколения в поколение регулярно «пропалывали» – вплоть до XIX века, раз в семь лет. Дотошная мисс Тик была не так уж и не права, утверждая, что «это ведь совсем не похоже на лошадь, просто несколько кривых линий». Давно ведутся споры о том, является ли Белая Лошадь лошадью или каким-то другим животным; помимо всего прочего, у Лошадью отчётливо просматриваются усы. Лошадью её называют по меньшей мере с XI века: так, в средневековой валлийской «Красной книге из Хергеста» (конец XIV – начало XV вв.) говорится: «Близ города Абинтона есть гора с изображением на ней жеребца, и он бел цветом. Ничего там не растёт». Однако в древности местные жители считали фигуру изображением дракона – того самого дракона, которого сразил святой Георгий на Драконьем холме рядом. А британский ветеринар Олаф Суорбрик, подробно изучив геоглиф во всех деталях, выдвинул любопытную теорию о том, что на холме изображена вовсе не лошадь, а бегущий уффингтонский волкодав. По его словам, «анатомически это вообще не лошадь. Это создание чересчур вытянутое и слишком тощее, у него длинный хвост. У лошадей не бывает такого хвоста». Уффингтонская Белая Лошадь вдохновила многочисленных подражателей на создание других меловых фигур, изображающих белых лошадей. Это Килбурнская Белая Лошадь (1858 г.), вырезанная в склоне холма в Северном Йоркшире, Фолкенстонская Белая Лошадь (2003 г.), вырезанная на склоне Черитонского холма в Кенте, Уэстберийская, или Браттонская, Белая Лошадь на равнине Солсбери (XVIII век) и т. д. Всего таких Белых Лошадей в Великобритании

– А почему её так называют? – спросила ведьма.

– Потому что мел белый? – предположила Тиффани, прогоняя мысль о том, что мисс Тик немного дурочка.

– Нет, я имела в виду, почему лошадь? Это ведь совсем не похоже на лошадь, просто несколько кривых линий.

«И кажется, будто они движутся», – добавила про себя Тиффани.

Говорили, что дёрн срезали люди, жившие на холмах в древние времена, те самые люди, которые тащили и ставили кругами камни, те, кто хоронил своих мертвецов в больших курганах. Они и сделали рисунок в конце этой маленькой долины. Белая Лошадь была в десять раз больше настоящих лошадей и даже совсем не походила на лошадь, если только не знаешь, как смотреть. Хотя древним художникам было прекрасно известно, как выглядят лошади, они сами держали лошадей или, по крайней мере, видели их каждый день. И если эти люди жили очень давно, это ещё не означает, что они были глупые.

Однажды, когда Тиффани с отцом проезжали мимо по пути на ярмарку овец, она спросила его, почему Белая Лошадь не похожа на лошадь. И он повторил ей, что ответила ему матушка Болен, когда он был маленький и спросил её о том же. Отец передал её ответ слово в слово, и Тиффани теперь сделала то же самое:

– Оно не про то, как лошадь выглядит. Оно про то, что ло-

шадь есть на самом деле.

– О, – сказала мисс Тик. Однако она была не только ведьмой, но ещё и учительницей и потому, должно быть, не смогла сдержаться, чтобы не добавить: – Интересный факт: вообще-то белых лошадей не бывает. Светлая масть называется серой⁸.

– Да, я знаю. Но эта – белая, – твёрдо сказала Тиффани.

Её ответ заставил мисс Тик отступить, и какое-то время они ехали в молчании. Однако ведьме явно что-то не давало покоя.

– Тебе, наверное, грустно покидать Меловые холмы? – спросила она, пока телега тряслась по дороге.

– Нет, – сказала Тиффани.

– Нет ничего страшного в том, чтобы грустить, покидая дом, – не унималась мисс Тик.

– Спасибо, но я вовсе не грущу.

– Если тебе хочется поплакать, можешь не делать вид, будто в глаз попала соринка или...

– Всё нормально, правда, – сказала Тиффани. – Честное слово.

– Понимаешь, такие вещи лучше не копить в себе, а то

⁸ Мисс Тик бы взорвалась, если бы не сказала этого, потому что ведьма и учитель – та ещё гремучая смесь. И те и другие стремятся, чтобы всё было как надо. Им нравится, когда всё правильно. Если хотите хорошенько насолить ведьме, можете не возиться с чарами и заклинаниями. Просто поместите её в комнату, где картина на стене висит немножко кривовато – и сможете любоваться на ведьмины корчи. (Примеч. автора)

потом это может очень плохо сказаться...

– Я ничего не коплю, мисс Тик.

Тиффани и сама была удивлена тем, что ей совсем не хочется плакать, но не собиралась делиться этим удивлением с мисс Тик. Она заранее приготовила место для горя в своей душе, но оказалось, что ей нечем его заполнить. Возможно, потому, что все сожаления и колебания она оставила аккуратно уложенными и завязанными в узелок высоко на склоне холма, рядом с пузатой печкой.

– И конечно, если ты чувствуешь себя немного подавленной, ты можешь посмотреть на подарок, который этот юноша... – снова попыталась мисс Тик.

– Расскажите мне о тётушке Вровень, – перебила Тиффани.

Всё, что она знала о своей будущей наставнице, – это имя и почтовый адрес. Зато адрес звучал многообещающе: «Маленький домик в лесу, у засохшего дуба возле Потеряхиной тропки. Если не застанете дома, положите письма в старый башмак у двери».

– Ах да, тётушка Вровень... – Мисс Тик смирилась с поражением. – Ну конечно... На самом деле она не так уж и стара, но говорит, что третья пара рук по хозяйству ей бы не помешала.

Тиффани никогда ничего не пропускала мимо ушей, даже когда разговаривала с мисс Тик.

– Выходит, она живёт не одна? – спросила девочка.

– Э-э, нет. Не совсем так.

– Значит, у неё четыре руки?

Тиффани чувствовала, что мисс Тик пытается увильнуть от ответа.

Ведьма вздохнула. Ужасно трудно иметь дело с человеком, который всё замечает. Это совершенно сбивает с толку.

– Когда вы встретитесь, ты сама все поймёшь. Я не могу объяснить – что бы я ни сказала, это тебя только запутает. Уверена, вы с тётушкой поладите. Она умеет находить общий язык с людьми, а в свободное время занимается ведьмовскими изысканиями. И ещё она держит пчёл. И коз – их молоко, я уверена, очень полезно, ведь оно содержит гомогенизированные жиры.

– А что такое «ведьмовские изыскания»? – спросила Тиффани.

– О, это очень древнее ремесло. Она составляет новые чары, пытаясь понять, как люди когда-то додумались до старых. Знаешь все эти рецепты, где предлагают взять «летучей мышки ушки и пальцы от лягушки»? Ни у кого из нас ни разу ничего такого не получилось. Но госпожа Вровень считает, это только потому, что мы не знаем, какой вид лягушек брать и какие пальцы...

– Простите, я не стану помогать резать невинных летучих мышей и лягушек, – решительно сказала Тиффани.

– Что ты, тётушка Вровень никогда никого не убивает! – поспешно заверила её мисс Тик. – Она использует тела жи-

вотных, которые умерли своей смертью: погибли под колёсами повозок или покончили с собой. У лягушек, знаешь ли, бывают тяжёлые приступы депрессии...

Телега катилась себе по пыльной белой дороге, пока не скрылась из глаз.

И ничего не произошло. Жаворонки заливались в небе, летая так высоко, что их невозможно было разглядеть, ветер разносил по лугам семена трав, овцы блеяли на пастбищах Меловых холмов...

А потом что-то прокатилось следом за телегой. Оно было как маленький смерч – о том, что оно вообще здесь, говорило только облачко пыли над дорогой. Оно пролетело мимо, гудя, как туча мух.

И тоже скрылось за холмом.

Спустя какое-то время в траве раздался голосок:

– Раскудрить его! Оно ж за ней прёт, зубдамс!

Другой голос сказал:

– Но стара-то карга ж его усечёт, агась?

– Чегой? Учителка? Да кака с неё карга-то!

– У неё чепунец колом, Грамазд Йан, – возразил второй голос с лёгким упрёком. – Ты на цветики-то её не смотри, я сам зырил: она шнурик дёрг – и чепунец как встопырится!

– Ах-ха, Хэмиш, твоя правда, как шкрябить и читить она будьте-нате, но чегой в книхах нет, об том она ни бум-бум. И ты как хошь, а я при ней носу не кажу. Она така, что сразу про тя шкряб-шкряб. А ну, быро – надо кельду сыскнуть.

Нак-мак-Фигли из клана Мелового холма ненавидели записи во всех видах по многим причинам, но главным образом потому, что *написанное остаётся написанным*. Письмо – способ поймать слова и пришпилить их к месту. Ты, значит, говоришь от души, а такой-какой чувырла за тобой – шкряб-шкряб! И кто его знает, что он потом с твоими словами сотворит! Это ж всё равно как тень твою к стенке прибить!

Но теперь у них появилась новая кельда, а новая кельда приносит новые идеи. Так специально заведено, чтобы жизнь и уклад клана не слишком застаивались. Кельда Джинни выросла в клане Долгого озера высоко в горах, а тамошние пиксты умели писать.

И она не видела причин, чтобы её муж не умел. Так что в эту самую минуту Явор Заядло остро чувствовал на собственной шкуре, что Джинни – не кто-нибудь, а кельда.

По его лбу ручьями стекал пот. Явор Заядло однажды забил волка в одиночку и с радостью согласился бы повторить этот номер, причём с закрытыми глазами и с одной рукой, привязанной за спиной, лишь бы не делать того, что ему пришлось делать теперь.

Первоначальные навыки письма он уже освоил. В его понимании они заключались в том, чтобы:

- 1) стащить бумагу;
- 2) стащить карандаш.

Но, к его сожалению, дело этим не ограничилось.

И вот сейчас Явор Заяadlo держал огрызок карандаша обеими руками, а двое братьев толкали его к клочку бумаги, прибитому к стене (это был старый счёт на колокольчики для овец). Остальные пиксты с трепетом наблюдали за действием, расположившись на многочисленных галереях.

– А мож, я мал-помалу начну, а? – упирался Явор Заяadlo. Упирался он так старательно, что его пятки оставляли две борозды на земляном полу пещеры. – Со всяких там препинаков...

– Ты – Большой Человек клана, Явор Заяadlo, знатца, должен быть перв и на письме. Чтоб мой муж – и не мог написать даж своё имя? Или я не показала те, как шкрябать буквы?

– Ах-ха, женщина, видал я те мерзавые гнутые разбрёдовины! А это Ё на меня пырилось в ответ! Я б той букове люлей надавал, а то нагла больно!

– Слухай меня. Приткни карандах к бумаге. Я буду грить, как шкрябить. – Джинни скрестила руки на груди.

– Да от этой шкрябиловки сплошь беды! – взвыл Явор Заяadlo. – Одно-едино писанное словцо могёт на висельницу привести!

– Ты мне это брось! – рывкнула Джинни. – Дело-то плёво. Верзунские маляшки, и те шкрябают. А ты уже взрослявый Фигль!

– А ишшо эта шкрябиловка всё грит и грит за тебя, да же когда ты давно копытсы склеил. – Явор Заяadlo размахивал

вал карандашом так, будто пытался отогнать злых духов. – И не гри мне, что эт' норм.

– А, дык ты боишься? – пошла на хитрость Джинни. – Ну что ж, лады. Каждый Большой Человек чего-то да струснёт. Забери у него карандах, Вулли. Не могу ж я требовать от мушщины, чтоб он заборол свои страхи.

В пещере повисла гробовая тишина. Туп Вулли неловко взял огрызок карандаша из рук Явора. Взгляды сотен крошечных глаз были прикованы к Большому Человеку. Явор Заядло развёл руками. Свёл их обратно. Громко засопел, сверля бумагу сердитым взглядом. И воинственно выпятил челюсть.

– А тебе грррабли в рот не кладай, Джинни мак-Фигль! – сказал он наконец, поплевал на ладони и выхватил у Тупа Вулли карандаш. – А ну, дай сюдыть это орудие погибели! Эти твои буковы даж не поймут, откудыть по ним прилетело!

Он взял карандаш на изготовку и принял боевую стойку перед бумагой.

– Вот и молодца, – похвалила Джинни. – Первая букова – «Я». Эт' которая как жиренный верзун, который куды-кось топ-топает.

И Явор Заядло, на глазах у всего честного народца, высунув язык и сопя от усердия, кинулся в бой. Одолев очередную палочку или загогулину, он всякий раз вопросительно смотрел на кельду. Наконец дело было сделано.

– Вот и умница, – похвалила Джинни. – Неслабо сработа-

но.

Явор Заяadlo отступил на шаг и критически осмотрел записку.

– Чё, зубдамс? – спросил он.

– Зубдамс, – подтвердила кельда. – Ты таки нашкрябил своё имя, Явор Заяadlo!

Фигль снова устался на клочок бумаги и спросил:

– И чё, теперь век воли не повидать?

Рядом с кельдой кто-то негромко кашлянул, вежливо привлекая к себе внимание. Это была жаба, точнее, Жаб. Его все звали Жаб, потому что имена у жаб не в ходу. Что бы там ни думали люди, ни одну жабу не зовут Томми или ещё как-нибудь. Такого просто не бывает.

Когда-то Жаб был адвокатом – и человеком, жабы-то обходятся без законников и законов. В жабу его превратила фея-крёстная. Вообще-то она хотела превратить его в лягушку, но не очень хорошо представляла себе разницу. В последнее время Жаб жил в кургане вместе с Фиглями и приходил им на помощь, когда требовались умозаключения.

– Как я уже вам говорил ранее, господин Заяadlo, само по себе написание имени не может иметь никаких дурных последствий, – сказал Жаб. – И в вашем имени в письменном виде нет абсолютно ничего противозаконного. Если только, – добавил он с чисто адвокатской усмешкой, – не рассматривать его как чистосердечное признание.

Никто из Фиглей не засмеялся. Они привыкли, чтобы

шутки были малость, ну, посмешнее, что ли.

Явор Заядло с серьёзными видом разглядывал свои весьма неровные каракули.

– Но эт’ ж моё имя нашкрябано, а?

– Безусловно, господин Заядло, – подтвердил Жаб.

– И ничего дурственного с того не стряслонулось, – констатировал Фигль. Он присмотрелся к буквам пристальнее. – А почём ты бум-бум, что оно справку моё?

– А вот за этим и надобно уметь читить, – вмешалась Джинни.

– Это когда буковы обращаются в голоса в балде? – уточнил Явор Заядло.

– В идеале – да, – сказал Жаб. – Но мы решили, вам проще будет начать с более *физической* стороны процесса...

– А мож, я тогось, токо шкрябить буду, а читит пусть кто-нить ишшо, а? – без особой надежды предложил Явор Заядло.

– Вот уж нае, мой муж должен и то, и другое уметь, – заявила Джинни, вновь сложив руки на груди.

Когда жёны пикстов складывают руки на груди, остаётся только смириться с судьбой.

– О бедный я, все спротив мя – и женщина, и жаба, – покачал головой Явор. Но когда он снова уставился на плоды своих трудов, в его глазах промелькнула легчайшая тень законной гордости. – Но эт’ всё ж моё имя, так? – спросил он.

Джинни кивнула.

– Моё само заправдашне шкрябано имя, и никаких вам «хватануть живым или мёртвым» или чего ишло тако. Моё имя, мной нашкрябано.

– Да, Явор, – сказала Джинни.

– Моённое имище, как есть. И никакая чучундра с ним ничё тако не сотварнёт. Ничё ведь моёму имищу не грозит-ся?

Джинни взглянула на Жаба, но тот лишь пожал плечами. Дело было в том, что мозги среди Фиглей распределяются неравномерно – большая часть достаётся женщинам.

– Эт’ вам не хухры-мухры, это вам имище настоящее, шкрябано так, что никто ему нипочём, – не унимался Явор Заядло. – Эт’ магия-чудия, вот что, эт’...

– Ты букову «я» нашкрябил нетудыть и запропустил «а» и «о» в «Заядло», – перебила Джинни, поскольку всякая порядочная жена должна заботиться о том, чтобы муж не лопнул от гордости.

– О женщина, я ни бум-бум, кудыть тот жиренный верзун прёт, – отмахнулся Явор Заядло. – С этими жиряками никогда наперёд не сказанёшь, кудыть их понесёт. Это каждый истовый шкрябильщик кумексает. Вон, зырь: то он топ-топ сюдыть, то – тудыть... – Он с гордостью воззрился на свою писанину:

Р В О Р З Я Д Л

– А с этим «а-о» ты вообще ни бум-бум, – заявил он. – Всё право нашкрябано: «зэ», «я», «дэ» и «ло»: Заядло. Вишь? Кумексать надуть! – Он воткнул карандаш себе в волосы и, задрав нос, посмотрел на жену.

Джинни вздохнула. В детстве у неё было семьсот братьев, так что она отлично знала, что мысли любого мужчины бегут очень быстро, но зачастую совсем не в ту сторону. А если мужчинам не удаётся приспособить то, что они думают, к тому, что есть, они норовят приспособить то, что есть, к тому, что они думают. И обычно, советовала ей мама, в таких случаях лучше с ними не спорить.

По правде говоря, только пять или шесть пикстов из клана Долгого озера умели как следует читать и писать. Грамоту считали странным увлечением, скорее для тех, кто малость не от мира сего. Ну в самом деле, какой с неё прок, когда положим, начинается новый день? Буквы не помогут одолеть голыми руками форель или разбойно напасть на кролика с целью отобрать у него шубу и вкусное мясо. От писанины не запьянеешь. Ветер не прочитаешь, по воде не напишешь.

Но над записями не властно время. Они доносят голоса Фиглей, живших много лет назад, и видевших странное, и де-

лавших удивительные открытия. От этого пикстов бросало в дрожь, потому-то некоторые считали, что читать и писать – дурное дело. Но в клане Долгого озера думали по-другому. И своему новому клану Джинни желала только добра.

Быть молодой кельдой нелегко. Ты приходишь в чужой клан вместе с несколькими братьями, которые отправились с тобой, чтобы тебя охранять. Там ты выходишь замуж, и у тебя разом появляются муж и несколько сотен деве-рей. Если слишком много думать об этом, сердцу становится беспокойно. Дома, на острове посреди озера, Джинни могла хотя бы с мамой поговорить. Но кельде никогда не вернуться в родной дом.

Если не считать нескольких братьев-телохранителей, она совсем одна.

Джинни страдала от одиночества, и тоски по дому, и страха перед будущим. Вот почему совершила ошибку...

– Явор!

В лаз, ведущий в пещеру и замаскированный под кроличью нору, ввалились Грамазд Йан и Хэмиш.

Явор Заядлю сердито посмотрел на них:

– Эй, мы тута в буковы играемся!

– Ах-ха, Явор, но мы, как ты велел, зырили, чтоб наша мала карга типсы-топсы отбыла, а за ней роёвник прётся!

Явор Заядлю выронил карандаш.

– Взаправды? Нивраз об них в этом мире не слыхал!

– Точняк, Явор! – подтвердил Грамазд Йан. – Он так гун-

дел, что у меня все зубья заныли!

– Дык чё ж вы ей не сказанули, тупитлы? – заорал Явор.

– А с ней жо друга карга была, поучительная, – пояснил Грамазд Йан.

– Мисс Тик? – уточнил Жаб.

– Ах-ха, у ней ишшо лицеморда белая, что твои ёгурти, – кивнул Йан. – А ты грил, чтоб мы ей не казались, Явор.

– Ах-ха, но дык тут жо особ случай... – начал было Явор, но осёкся.

Он был женат не так долго, но у всякого женатого мужчины довольно быстро вырабатывается особое чутьё, целый ряд чувств от шестого и далее, которые подсказывают ему, что он вот-вот окажется по горло в неприятностях.

Джинни легонько притопывала ногой. Руки её по-прежнему были скрещены на груди. На лице застыла улыбка, входящая в набор особых умений, которыми женщины со своей стороны тоже овладевают после свадьбы. Такая улыбка ясно говорит: «Да, ты по горло в неприятностях, но я ещё чуть-чуть подожду – и дам тебе увязнуть по самую маковку».

– Что-что вы там грите про мал-мал каргу? – спросила она, и голос её был тихим и тоненьким, точь-в-точь как у мышки, прошедшей обучение в Гильдии Наёмных Грызунов-Убийц.

– Ой, ну, да, эт' самое... – заюлил Явор, изменившись в лице. – Ты разве ж её не помятуешь, дорога-мила? Она и на свадьбе была ишшо... Мала карга была нашей кель-

дой день-друг, тако дело. Стара кельда с неё словесо взяла, прям перед тем, как в Догробный мир возвернуться, – добавил он, словно в надежде, что упоминание покойной кельды спасёт его от надвигающегося урагана. – Ну вот мы и того, призываем за ней мал-мал, она ж какс-никакс карга наша и вообще... – Он говорил всё тише и тише, в конце концов умолк под взглядом Джинни.

– Истова кельда берёт Большого Человека мужем, вот как я Явора Заядло взяла, – сказала она. – И что, я тебе плоха-нехороша жена?

– Хороша, ой хороша... – пробулькал Явор. – Но...

– А на двоих ты жениться не могёшь, эт' двужёнство будет, так иль нет? – продолжала Джинни сладким, как яд, голосом.

– Ох, до этого ж не дошло! – Явор Заядло принялся за-травленно озираться в поисках путей к бегству. – И вообще, это ж токо на время было, она ж ишшо мал-мала девчура, но котелком варит, и...

– Тута я котелком варю, и я – кельда в этом клане, так иль нет? А кельда могёт быть токо одна, так иль нет? И мой котелок наварил, что боле никто за этой девчурой хвоститься не будет, ясно? Стыд-позор на вашии балды! Девчурке не по нутру, когда умбал навроде Грамазда Йана на неё почёмздря пырится!..

Явор Заядло повесил голову:

– Ах-ха... Всё так... Токо вот...

– Токо что?

– За бедной девчурой роёвник тащится...

Джинни надолго замолчала, потом спросила:

– Точно?

– Ах-ха, о кельда, – встрял Грамазд Йан. – Его гундэж один раз послышишь – век не забуднешь.

Джинни побледнела и прикусила губу.

– Но ты грил, что с ней могуча карга, Явор?

– Ах-ха, токо никто нипочём ишшо не уносил ног от роёвника! Его не пришибить, его не споймать, его не...

– А разве ты не грил мне, как та мала грамазда девчуря билась с Кралькой и заборола её? – спросила Джинни. – Сквородксой её пришибла, ты сказанул. Знатца, она крепок орех. Ежли она могуча карга, то сама смекнёт, как быть. У каждого свой судьбонос в жизни, и это – её. Могуча карга должна сама эт' пройти.

– Ах-ха, но роёвник жо пожутче, чем... – заикнулся Явор Заядло.

– Там, куды она едет, другие карги будут её карговству учить, – твёрдо сказала Джинни. – А мне судьба кельдовству самой по себе учиться. Уповай, чтоб она училась так же шустро, как я, Явор Заядло.

Глава 2

Дверубахи и два носа

Местечко Дверубахи оказалось просто-напросто изгибом

дороги, которому зачем-то дали имя. Там всего-то и было, что постоянный двор для проезжающих, кузница и лавочка, в окне которой торчал самонадеянный кусок картона с надписью «СУВЕНИРЫ». И больше ничего. Вокруг, за полями и перелесками, тут и там виднелись дома, и их обитателям, возможно, Дверубахи казались Большим Городом. В любом мире полным-полно таких мест. Мест, откуда уезжают, но куда не едут.

Дверубахи тихо жарились под полуденным солнцем. Посреди пыльной дороги дремал престарелый спаниель, белый с коричневыми пятнами.

И всё же Дверубахи были поселением посерьёзнее, чем деревня поблизости от Родной фермы, и Тиффани никогда раньше не видела сувениров. Она зашла в лавочку и потратила полпенни на маленькую деревянную табличку с резным изображением двух рубах на бельевой верёвке и пару открыток под названием «Вид на Дверубахи». На открытках были всё та же лавочка и, возможно, всё та же собака, спящая посреди дороги. Маленькая старушка за прилавком обратилась к Тиффани «юная госпожа» и рассказала, что ближе к концу года в Дверубахи съезжаются люди за милю⁹ окрест, чтобы посетить Праздник Квашения Капусты.

Выйдя из лавки, Тиффани обнаружила, что мисс Тик стоит посреди улицы рядом со спящей собакой и напряжённо вглядывается туда, откуда они приехали.

⁹ Миля равна 1609 м. (Примеч. ред.)

– Что-то не так? – спросила Тиффани.

– А? – Мисс Тик вздрогнула от неожиданности, словно уже успела забыть о её существовании. – О, нет, ничего. Просто я... Мне показалось, я... Послушай, почему бы нам не пойти немного перекусить?

Найти кого-нибудь живого на постоялом дворе оказалось нелегко, но мисс Тик решительно направилась на кухню и разыскала там женщину, которая пообещала принести им чай и булочки. Женщина сама не поняла, как вышло, что она им это пообещала, ведь официально она считалась свободной до прихода дилижанса. Но мисс Тик умела задавать вопросы, уже содержащие нужные ей ответы.

А ещё мисс Тик спросила, нельзя ли принести сырое, то есть не приготовленное, и обязательно не надтреснутое яйцо. Способность задавать вопросы так, чтобы собеседник не спросил в ответ: «А зачем?» – ещё одно важное умение любой ведьмы.

Они выпили чаю с булочками, сидя на скамейке возле постоялого двора, на солнцепёке. Потом Тиффани достала дневник. Она и раньше вела дневник, но то был дневник молочки, и в нём говорилось про сыры. А этот дневник был про неё саму. Она купила его у бродячего торговца, совсем недорого, потому что он был прошлогодний. Но торговец верно сказал, что дней в нём всё равно столько же.

Дневник запирался на маленький медный замочек крохотным ключиком. Замочек-то Тиффани и приглянулся.

В определённом возрасте начинаешь ценить такие вещи.

Она открыла дневник и написала: «Дверубахи». Подумала немного и добавила: «Место, где дорога делает поворот».

Мисс Тик продолжала смотреть на дорогу.

– Что-то не так, мисс Тик? – спросила Тиффани снова, оторвавшись от дневника.

– Я... не уверена, – сказала ведьма. – Нас кто-нибудь видит?

Тиффани огляделась. Дверубахи сморил дневной сон. Никто на них не смотрел.

– Нет, мисс Тик.

Учительница сняла шляпу и достала из тульи пару маленьких палочек и катушку чёрных ниток. Закатала рукава и быстро глянула по сторонам, на случай, если в Дверубахи вдруг случится резкий рост населения. Убедившись, что никого нет, она оторвала кусок нитки и взяла яйцо.

Её руки затанцевали так быстро, что невозможно было разглядеть, что они делают, – и вот уже яйцо покоится в аккуратном гамаке.

Это произвело на Тиффани глубокое впечатление.

Но мисс Тик ещё не закончила. Она принялась доставать всякую всячину из карманов, а в карманах ведьмы всегда уйма всякой всячины. Там обнаружили несколько бусин, пара пёрышек, стеклянная линза и один-два клочка цветной бумаги. Всё это ведьма тоже вплела в свою паутину.

– Что это? – заинтригованно спросила Тиффани.

– Путанка, – ответила мисс Тик, не отвлекаясь от своего творения.

– Это магия?

– Не совсем. Это уловка.

Мисс Тик подняла левую руку. Перья, бусины и яйцо качались вместе с прочим содержимым её карманов, вплетённым в причудливую сеть.

– Хм-м, – протянула она. – А теперь посмотрим-ка, на что тут можно посмотреть...

Она продела пальцы правой руки сквозь ячейки сети и потянула...

Яйцо, стекляшки и перья заплясали в путанице нитей, и Тиффани готова была поклясться, что в какой-то момент одна нить прошла сквозь другую.

– А, – сказала девочка. – Это что-то вроде «кошачьей колыбельки»!

– Ты умеешь играть с верёвочкой, да? – спросила мисс Тик, по-прежнему сосредоточившись на путанке.

– Я умею делать все обычные фигурки, – сказала Тиффани. – «Алмазы», «колыбельку», «дом», «стадо овечек» и «три старухи, одна из которых прищурилась, несут ведро рыбы на рынок, а им навстречу ослик»... Правда, эту я только один раз делала, для неё нужно двое, а Бетси Туппер не вовремя вздумалось почесать нос, так что мне пришлось выстригать её ножницами...

Пальцы мисс Тик работали, как ткацкий станок.

– Выходит, это стало детской забавой... Смешно, – произнесла она. – Ага... – Ведьма пристально уставилась в густую паутину, которая у неё получилась.

– Вы что-то видите? – спросила Тиффани.

– Мне бы хотелось немного сосредоточиться, деточка. Можно? Спасибо...

Спаниель на дороге проснулся, зевнул и лениво поднялся на ноги. Лёгкой трусцой он подбежал к лавке, укоризненно глянул на Тиффани, после чего свернулся клубком у её ног. От него пахло старым туалетным ковриком.

– Там... что-то есть... – очень тихо сказала мисс Тик.

Тиффани оцепенела от ужаса.

Белая пыль на дороге и каменная ограда напротив сверкали в лучах солнца. Пчёлы с гудением садились на маленькие жёлтые цветы, растущие на стене. Привалившись к ноге Тиффани, храпел и попукивал спаниель.

Но всё было как-то неправильно. Она чувствовала, что эта неправильность тяжким грузом лежит у неё на плечах, давит на неё, давит на мирный, залитый солнцем пейзаж, вдавливая его в землю. Мисс Тик с её причудливой нитяной колыбелькой замерла рядом, застыв в пронзительно-ярком мгновении.

Только нити продолжали двигаться, сами по себе. Яйцо подпрыгивало и покачивалось, стекло пускало солнечные зайчики, бусины скользили, перемещаясь с нитки на нитку...

Яйцо взорвалось.

Дилижанс подъехал.

Он прикатил в облаке пыли и грохоте копыт, волоча за собой внешний мир. Он кляксой заслонил солнце. Двери открылись. Зазвенела сбруя. От лошадей валил пар. Спаниель уселся и с надеждой завилял хвостом.

А давящая неправильность ушла... Нет, не ушла – бежала.

Мисс Тик достала носовой платок и принялась отчищать яичные потёки с платья. Остатки путанки с удивительной быстротой скрылись в её кармане.

Мисс Тик улыбнулась Тиффани и заговорила, не прекращая улыбаться, отчего вид у неё сделался немного безумный: – Не вставай, ничего не делай, сиди тихо, как мышка.

Тиффани и не думала вставать и вообще шевелиться. Ощущение было как после пробуждения от кошмарного сна.

Пассажиры побогаче выбрались из дилижанса, пассажиры победнее слезли с его крыши. Покряхтывая и притопывая занемевшими ногами, они скрылись на постоялом дворе.

– А теперь, – сказала мисс Тик, когда дверь за последним путешественником закрылась, – мы немного... немного прогуляемся. На свежем воздухе. Видишь небольшой лесок выше по склону? Вот туда мы и отправимся. Завтра утром господин Крабохват, возчик, скажет твоему отцу, что он высадил нас тут как раз перед прибытием дилижанса, все будут счастливы, и никому не придётся лгать. Это важно.

– Мисс Тик... – сказала Тиффани, поднимая свой чемо-

дан.

– Да?

– Что это было?

– Не знаю, – ответила ведьма. – Ты как себя чувствуешь?

– Всё... хорошо. У вас немного желтка на шляпу попало.

И вас что-то очень беспокоит.

«А меня больше всего беспокоит то, что вы беспокоитесь», – мысленно добавила Тиффани.

– Жаль, что так вышло с вашим платьем.

– Оно видало переделки и похуже, – отмахнулась мисс Тик. – Идём.

– Мисс Тик... – снова окликнула Тиффани, когда они двинулись в путь.

– Да?

– Вы очень встревожены. Если вы поделитесь этим со мной, каждой из нас достанется по половине тревоги, так будет куда легче.

Мисс Тик вздохнула:

– Может, это всё чепуха...

– Мисс Тик, яйцо взорвалось!

– Да. Гм. Э... Видишь ли, путанку можно использовать как прибор, улавливающий присутствие магии и усиливающий её. Очень грубо, конечно, но иногда, когда ты толком не понимаешь, что происходит, это помогает. Думаю, я... наверное, что-то не так сделала. Кроме того, иногда в путанки попадают случайные магические разряды.

– Но вы беспокоились ещё раньше, потому-то вы и стали плести её.

– Беспокоилась? Глупости! Я всегда абсолютно спокойна! – отрезала мисс Тик. – Хотя, раз уж мы заговорили об этом, должна признаться, что я была озабочена. Что-то меня раздражало. Что-то совсем рядом, думаю. Но, может, мне просто показалось. На самом деле чем дальше мы идём, тем легче мне становится.

«А по вам этого не скажешь, – подумала Тиффани. – И я ошибалась. Когда встревожены двое, это означает в два раза больше тревоги».

Но одно она знала точно: Дверубахи не содержат в себе ничего волшебного. Это просто изгиб дороги.

Минут через двадцать пассажиры вернулись, чтобы продолжить путь. Кучер удивился – почему лошади вспотели? И почему в воздухе раздаётся гудение тучи мух, а мух не видно?

Собаку, которая перед прибытием дилижанса спала на дороге, потом нашли в конюшне. Она пряталась в пустом стойле и скулила.

До леса мисс Тик и Тиффани добрались примерно за полчаса, чемодан несли по очереди. С виду он был лесок как лесок, росли в нём в основном буки, а подлеска не было. Но если знать, что с листьев бука капает неприятная ядовитая

жидкость, которая убивает все молодые конкурирующие побеги, понимаешь, что буквые деревья не так просты, как кажутся.

Ведьмы сели на упавшее дерево на полянке и стали ждать заката. Мисс Тик рассказала Тиффани про путанки.

– Так в них нет ничего волшебного? – спросила Тиффани.

– Нет. Но они помогают волшебству.

– Это как очки, да? Они помогают видеть, но не могут увидеть за тебя.

– Очень хорошо подмечено! Что волшебного в телескопе? Да ничего, это просто труба со стеклянными линзами. Но если заглянуть в неё, можно сосчитать драконов на Луне. А ещё... Ты когда-нибудь стреляла из лука? Наверное, нет. Так вот, путанка может работать как лук. Когда стрелок натягивает тетиву, он как бы запасает свою силу, накапливает, а потом выпускает её всю разом, и стрела летит дальше, чем её можно было бы бросить рукой. И сделать лук, как и путанку, можно из того, что найдётся под рукой, главное, чтобы всё это... выглядело правильно.

– И путанка позволяет сказать, есть ли поблизости магия?

– Да, если это то, что ты хочешь узнать. А ещё, если уметь с ней обращаться, она помогает творить собственную магию, направлять её туда, куда тебе нужно. Она может служить оберегом, защищать тебя, с её помощью можно переправить магию на расстояние... В общем, это как дорогой перочинный ножик, видела когда-нибудь? Такие, с крохотной пилкой, зу-

бочисткой и ножницами? Хотя ведьмы, конечно, не ковыряются путанками в зубах, ха-ха. Каждая юная ведьма должна уметь сплести путанку. Тётушка Вровень тебя научит.

Тиффани рассеянно блуждала взглядом по лесу. У неё в голове всплывали и пропадали обрывки мудрости, которой учила её мисс Тик: «Никогда не поворачивайся спиной к своему страху. Носи с собой ровно столько денег, сколько необходимо, и верёвочку. Ты всегда в ответе, даже если вина не твоя. Ведьмы не отступают перед трудностями. Никогда не становись между двумя зеркалами. Не хихикай. Делай, что должна. Никогда не лги, но всегда говорить правду не обязательно. Никогда не загадывай желания. Особенно на падающую звезду – это чистейшая глупость с точки зрения астрономии. Открой глаза, а потом открой их снова».

– У тётушки Вровень длинные седые волосы, верно? – спросила Тиффани.

– Да.

– И она довольно высокая, самую малость полновата, носит целую кучу ожерелий, – продолжала Тиффани. – И ещё очки на цепочке. А башмаки у неё на высоких каблуках, что странно.

Мисс Тик всё поняла и огляделась:

– Где она?

– Вон, у дерева, – сказала Тиффани.

Тем не менее мисс Тик пришлось прищуриться, чтобы увидеть тётушку. Тиффани давно обратила внимание: ведь-

мы заполняют собой пространство. Они как будто более настоящие, чем всё вокруг, хотя трудно подобрать слова, чтобы это объяснить. Если рядом есть ведьма, то её больше, чем любого другого человека. Но если ведьма не хочет, чтобы её видели, заметить её становится очень трудно. Она не прячется, не растворяется волшебным образом в воздухе, хотя со стороны это так и выглядит. Но если тебя попросят потом описать, кто был в комнате, ты как на духу скажешь, что ведьмы там не было. Они словно позволяют себе исчезнуть, затеряться.

– Ах да, теперь вижу, – сказала мисс Тик. – Молодец. Я всё думала, когда же ты её заметишь.

«Ха!» – подумала Тиффани.

Тётушка Вровень шла к ним, и чем ближе она подходила, тем реальнее становилась. Она была вся в чёрном и немного позвякивала при каждом шаге из-за многочисленных чёрных украшений. И ещё она носила очки, что показалось Тиффани очень странным для ведьмы. В целом госпожа Вровень напомнила ей довольную жизнью курицу. И рук у неё было только две, как и положено.

– А, мисс Тик, – сказала тётушка Вровень, подойдя ближе. – А ты, должно быть, Тиффани Болен.

Тиффани вежливо поклонилась. Ведьмы не делают реверансов (если только не хотят до смерти засмущать Роланда).

– Я бы перемолвилась с госпожой Вровень парой слов наедине, Тиффани, если ты, конечно, не против, – сказала мисс

Тик, многозначительно подчеркнув конец фразы. – О некоторых вопросах, которые касаются только старших ведьм.

«Ха!» – подумала Тиффани снова. Ей нравилась эта мысленная интонация.

– Тогда я, пожалуй, пойду взгляну поближе на какое-нибудь дерево, да? – сказала она, надеясь, что прозвучало это с убийственным сарказмом.

– На твоём месте, дорогуша, я бы сбегала в кустики! – посоветовала тётушка Вровень ей вслед. – Не люблю делать промежуточные остановки.

Поблизости росли густые кусты падуба, в которых можно было прекрасно укрыться от посторонних глаз, но Тиффани скорее согласилась бы, чтобы её мочевого пузырь лопнул, чем воспользовалась ими после такого напутствия. С ней разговаривали так, будто ей десять лет!

«Я одолела Королеву эльфов! – мысленно возмущалась она, уходя подальше в лес. – Да, конечно, я не знаю, как это у меня получилось, и сейчас всё кажется сном, но я это правда сделала!»

Она кипела от злости за то, что её отослали прочь, как маленькую. Немного уважения никогда не повредит, верно? Как там говорила госпожа Ветровоск? «Я выражаю тебе моё почтение, покуда ты в ответ проявляешь уважение ко мне». Госпожа Ветровоск, мастерству и мудрости которой втайне завидуют все ведьмы, выразила Тиффани почтение, так, казалось бы, почему бы и остальным не попробовать обращать-

ся с ней в том же духе?

Тиффани сказала:

– Меня видно, – оставила свое тело и невидимым призраком двинулась обратно, к мисс Тик и тётушке Вровень.

Она не решалась смотреть под ноги, поскольку боялась увидеть, что никаких ног нет. Когда она обернулась туда, где осталось её тело, то убедилась, что оно смиренно стоит у кустов падуба, откуда точно ничего не подслушать.

Незримо подобравшись поближе к ведьмам, Тиффани услышала:

– ...но не по годам развитая, вот что пугает.

– Ох-хо-хонюшки. Никогда не умела толком обращаться с умниками, – вздохнула тётушка Вровень.

– О, в душе она очень милое дитя, – заверила её мисс Тик, и это разозлило Тиффани даже больше, чем «не по годам развитая».

– Вы, конечно, знаете мои обстоятельства, – сказала тётушка Вровень, пока Тиффани придвигалась ещё чуточку ближе.

– Да, тётушка, но ваша работа говорит сама за себя, у вас прекрасная репутация. Потому-то госпожа Ветровоск и предложила отправить Тиффани именно к вам.

– Ой, боюсь, я в последнее время стала ужасно рассеянная, – пожаловалась госпожа Вровень. – Представляете, еле добралась сюда – забыла свои очки для дали на другом носу, как последняя дурочка!

«На другом носу?» – не поняла Тиффани.

Вдруг ведьмы, как по команде, замерли. Потом мисс Тик воскликнула:

– У меня нет при себе яйца!

– Не беда, как раз на такой случай у меня припасён жук в спичечном коробке! – пискнула тётушка Вровень.

Обе ведьмы спешно стали рыться в карманах и вскоре извлекли оттуда нитки, перья, цветные лоскутки...

«Они знают, что я здесь», – испугалась Тиффани и прошептала:

– Меня не видно!

Вернувшись в своё тело, снова став маленькой девочкой, смиренно ожидающей на приличествующем расстоянии, она моргнула и резко повернулась. Вдалеке тётушка Вровень лихорадочно плела путанку, а мисс Тик оглядывалась по сторонам.

– Тиффани, иди сюда сейчас же! – крикнула она.

– Да, мисс Тик, – отозвалась Тиффани и, как паинька, потрусилась обратно.

«Они каким-то образом почувствовали моё присутствие, – думала она. – И ничего удивительного, всё-таки они ведьмы, хоть я бы и не сказала, что такие уж могущественные...»

И тут на неё снова навалилась тяжесть. Не только на неё – весь лес, казалось, вдавило в землю, и нахлынуло жуткое ощущение, будто прямо за спиной кто-то стоит. Тиффани

упала на колени, зажимая ладонями уши – они вдруг страшно заболели, голову сдавило так, что она чуть не лопалась...

– Готово! – крикнула тётушка Вровень и подняла повыше путанку.

Её путанка получилась совсем не такой, как у мисс Тик. она была сплетена из шнурка, вороньих перьев и блестящих чёрных бусин, а в середине покачивался обычный спичечный коробок.

Тиффани закричала. Боль жалила раскалёнными иглами, уши наполнились гудением насекомых...

Коробок взорвался.

И всё стихло, и снова запела птица – будто ничего и не произошло. И только несколько ошмётков коробка и оторванное радужное крыло, кружась в воздухе, медленно опускались на землю.

– Ох-хо-хо, – сокрушённо вздохнула тётушка Вровень. – Он был очень хорошим жуком, по жучиным-то меркам...

– Тиффани, ты как? – спросила мисс Тик. – Всё в порядке?

Тиффани моргнула. Боль исчезла так же резко, как и появилась, оставив после себя только жгучее воспоминание. Девочка с трудом поднялась на ноги.

– Кажется, да, мисс Тик.

– Тогда скажи-ка мне кое-что... – потребовала мисс Тик, с суровым видом шагая к ней.

– Да, мисс Тик?

– Ты ничего... не делала? Ничего не призывала?

– Нет! Да я и не умею! – сказала Тиффани.

– А эти твои маленькие человечки? Они тут точно не замешаны? – спросила ведьма с подозрением.

– Они не мои, мисс Тик. И они ничем таким не занимаются. Они просто орут «Раскудрить!» и начинают пинать людей по лодыжкам. Их сложно не узнать.

– Ладно... Не знаю, что это было, но, похоже, оно ушло, – вмешалась тётушка Вровень. – И нам тоже пора, иначе придётся лететь всю ночь.

Она протянула руку и достала из-за дерева вязанку хвороста. То есть это выглядело как вязанка хвороста, потому что так было задумано.

– Моё собственное изобретение, – скромно сказала тётушка Вровень. – Если показаться с этим на равнинах, никто ничего не заподозрит, верно? А чтобы ручка выскочила, надо просто нажать вот эту кнопочку... Ой, простите, так иногда с ней бывает. Кто-нибудь видит, куда она упала?

Ручка обнаружилась в кустах, и им удалось прикрутить её на место.

Тиффани умела слушать, а потому пригляделась к тётушке Вровень внимательнее. У старой ведьмы, как ни посмотри, был только один нос. И даже подумать было страшно, где человек может держать второй и зачем он нужен.

А потом тётушка Вровень достала из кармана моток крепкой верёвки и протянула её кому-то, кого рядом не было. Именно так, отметила про себя Тиффани, не бросила

и не уронила, а словно повесила на несуществующий крюк.

Верёвка упала в мох, свернувшись кольцами. Тётушка Вровень посмотрела на неё, потом поймала взгляд Тиффани и неловко усмехнулась:

– Вот я глупая! Забыла, что меня там нет. Когда-нибудь я и собственную голову забуду.

– Если вы о той, что у вас на плечах, – осторожно проговорила Тиффани, – то она на месте.

Потрёпанный чемодан привязали верёвкой к тому концу метлы, где прутья. Сама метла при этом терпеливо парила в нескольких футах¹⁰ от земли.

– Вот так, получилось для тебя удобное креслице, – проговорила тётушка Вровень. Как и большинство людей, под пристальным взглядом Тиффани она успела превратиться в комок издёрганных нервов. – Садись сзади и держись за меня. Гм. Я всегда так делаю.

– Вы всегда держитесь *за саму себя*, сидя сзади? – переспросила Тиффани. – Но как...

– Тиффани, мне всегда нравилась твоя способность поставить вопрос ребром, – резко вмешалась мисс Тик. – Но теперь мне бы хотелось, чтобы ты немного поупражнялась в искусстве вовремя промолчать. Садись за тётушкой Вровень, ей наверняка хочется одолеть хотя бы часть пути, пока солнце не село!

Метла немного качнулась в воздухе, когда тётушка Вро-

¹⁰ Фут равен примерно 0,3 метра. (Примеч. ред.)

вень взгромоzdилась на неё. Ведьма приглашающе похлопала по ручке позади себя:

– Ну, садись, Тиффани. Ты ведь не боишься высоты?

– Нет, – сказала Тиффани.

– Увидимся на Испытаниях! – крикнула ей мисс Тик, когда метла стала плавно подниматься. – Береги себя!

Как оказалось, тётушка Вровень неправильно сформулировала вопрос, когда интересовалась, не боится ли Тиффани высоты. Высоты Тиффани совершенно не боялась. Она могла ходить мимо деревьев-великанов, и глазом не моргнув. И вид горных круч её тоже нисколько не беспокоил.

На самом деле чего она боялась, хотя и не знала об этом, пока они не взмыли над лесом, это пустоты. Её очень пугала возможность падать в эту пустоту внизу так долго, что, пока летишь, в лёгких от крика кончится воздух, а когда приземлишься, кости искрошатся в пыль и вообще от тебя только мокрое место останется. То есть на самом деле она боялась земли. Тётушке Вровень стоило бы подумать об этом, прежде чем спрашивать.

Тиффани вцепилась в пояс старой ведьмы и уставилась на платье у неё на спине.

– Ты раньше летала, Тиффани? – спросила госпожа Вровень, пока они набирали высоту.

– Гмф! – выдавила девочка.

– Если хочешь, я могу заложить небольшой круг. С высоты открывается прекрасный вид на твою страну!

Ветер свистел у Тиффани в ушах. Наверху оказалось очень холодно. Она упрямо смотрела только перед собой, в спину ведьмы.

– Хочешь? – переспросила тётушка Вровень, и ветер зашвырнул пущу прежнего. – Это много времени не займёт!

Тиффани просто не успела отказаться. Она вообще боялась открыть рот, чтобы не стошнило. Метла накренилась под ней, и мир лёг набок.

Она не хотела смотреть вниз, но одно из свойств настоящей ведьмы – жгучее любопытство, граничащее с неприличием. И чтобы быть настоящей ведьмой, она обязана была посмотреть.

Набравшись смелости, девочка бросила взгляд на мир внизу. Ало-золотые лучи закатного солнца омывали землю. Дверубахи, деревья, сёла внизу отбрасывали длинные тени. А дальше, позади, выступал из земли первый холм, он был красный от солнца, и Белая Лошадь горела золотом, словно золотой кулон великанши. Тиффани уставилась на неё во все глаза. В угасающем свете дня среди растущих наперегонки теней казалось, будто Лошадь живая.

И Тиффани захотелось спрыгнуть с метлы, побежать назад, закрыть глаза и ударить каблуком о каблук – всё, что угодно, лишь бы оказаться там...

Нет! Она ведь завязала свою тоску по дому в узелок и оставила позади. Ей надо учиться, а в холмах её учить некому.

Но Мел был её миром. Её ноги ступали по нему каждый день. Она чувствовала мириады крошечных жизней под подошвами. Мел был у неё в костях, в точности как говаривала матушка Болен. И в имени её тоже: на древнем языке Нак-мак-Фиглей имя Тиффани означало «земля под волной», и она мысленно видела, как идёт по дну доисторического моря, а сверху сыплется медленный дождь из ракушек, из которых потом родится мел холмов. Она ходила по земле, сделанной из живых существ, дышала ею, прислушивалась к ней, посвящала ей свои мысли... И видеть эту землю теперь, такую маленькую и одинокую, посреди других стран и земель, протянувшихся до самого края света, было невыносимо. Надо вернуться...

Метла качнулась в воздухе.

Нет! Я должна лететь вперёд!

Метла рванулась вперёд, снова заложила вираж, отчего Тиффани чуть не стошнило, и устремила к горам.

– Должно быть, небольшое завихрение в воздухе, – сказала тётушка Вровень через плечо. – Кстати, милочка, надеюсь, мисс Тик предупредила тебя насчёт тёплых шерстяных панталон?

Тиффани все ещё не пришла толком в себя, но умудрилась что-то отрицательно промычать. Мисс Тик, конечно, говорила, что всякая ведьма, у которой есть голова на плечах, надевает в полёт не меньше трёх пар панталон во избежание обледенения, но Тиффани о них забыла.

– О-хо-хо, – расстроилась госпожа Вровень. – Тогда лучше полетим на бреющем.

Метла камнем провалилась вниз.

Этот полёт Тиффани запомнила навсегда, хотя очень старалась забыть. Они летели над самой землёй, едва не касаясь её ногами, но так быстро, что всё внизу сливалось в неразборчивое мельтешение. Когда впереди появлялась изгородь или забор, тётушка Вровень вздёргивала метлу с криком: «Оп-па!» или «Гоп-ля-ля!», и они прыгали. Возможно, этими криками ведьма хотела подбодрить Тиффани. Но у неё ничего не вышло. Тиффани дважды вырвало.

Тётушка Вровень летела, пригнувшись к самой ручке метлы, чтобы как можно лучше использовать аэродинамические преимущества остроконечной шляпы. Шляпа у неё была не слишком высокая, всего дюймов девять в тулье, и больше смахивала на шутовской колпак, с которого срезали бубенчики. Позже Тиффани узнала, что тётушка Вровень нарочно носила такую приземистую шляпу, чтобы не приходилось снимать её, заходя в низкие деревенские домишки.

Спустя какое-то время – вечность, как показалось Тиффани, – они оставили фермы позади и углубились в предгорья. Вскоре и деревья тоже кончились, и вот метла уже летит над широкой рекой, вода в ней бурная и белая, там и тут, словно клинья, торчат острые камни. Башмаки стали мокрыми от брызг.

Тётушка Вровень прокричала сквозь рёв воды:

– Отклонись чуть назад, пожалуйста! Сейчас будет довольно сложный манёвр!

Тиффани отважилась взглянуть вперёд поверх плеча ведьмы и ахнула.

На Меловых холмах было не так уж много водоёмов, если не считать ручейков, которые стекали с гор по весне и начисто высыхали летом. По соседству, огибая холмы, текли и большие реки, но они были медлительные и покладистые.

Поток впереди не был ни медлительным, ни покладистым. Он стоял дыбом.

Река взмывала до самого неба, где уже показались первые звёзды. Метла явно собиралась последовать за ней.

Тиффани отклонилась назад и завизжала. И продолжала визжать, когда метла встала торчком и полетела вверх по водопаду. Тиффани, конечно, было известно слово «водопад», но слово – это одно, а сам водопад – совсем другое, он куда больше, мокрее и громче.

От брызг она промокла насквозь. От грохота почти оглохла. Помело летело вверх сквозь водяную взвесь и рёв, и Тиффани цеплялась за пояс тётушки Вровень вне себя от страха, что может упасть в любое мгновение...

А потом её швырнуло вперёд – и шум водопада остался позади, метла снова приняла нормальное положение. Река продолжила бурлить и пениться, но теперь, по крайней мере, у неё хватало совести делать это на ровной земле.

Слева и справа высились холодные скалы, над головой

ущелье перечёркивал мост. Но постепенно каменные стены становились всё ниже, река – всё спокойнее, воздух – всё теплее, и вот уже метла скользит над гладкой и тихой водой, которая, должно быть, не знает, что ждёт её впереди. Серебряные рыбки сновали под ногами двух ведьм, летящих над самой рекой.

Спустя какое-то время тётушка Вровень свернула к берегу, и они помчались над возделанными полями. Поля были меньше и зеленее, чем в родном краю Тиффани. Снова стали попадаться деревья, а потом и небольшие глубокие долины, заросшие лесом. Но последние лучи солнца уже гасли у горизонта, и вскоре всё погрузилось во тьму.

Должно быть, Тиффани задремала, не ослабляя хватки на поясе тётушки, потому что вдруг резко очнулась, когда метла замерла в воздухе. Они парили довольно высоко, но внизу, под ними, кто-то обозначил место для посадки огненным кругом, расставив огарки свечей в горшочках.

Медленно, осторожно разворачиваясь, метла пошла вниз и наконец зависла у самой земли.

Ноги Тиффани решили, что теперь можно и расплестись, и она свалилась на траву.

– Вот и прилетели! – жизнерадостно воскликнула тётушка Вровень, помогая ей подняться. – Ты держалась молодцом!

– Простите, что раскричалась и что меня стошнило, – сказала Тиффани.

Она споткнулась о горшочек, свеча выкатилась из него

и погасла. Девочка попыталась разглядеть что-нибудь в темноте, но перед глазами всё плыло.

– Тётушка Вровень, а кто зажжёт свечи?

– Я. Пойдём-ка в дом, а то уже холодает... – залопотала ведьма.

– А, поняла. Вы зажгли их магией. – Голова у Тиффани всё ещё кружилась.

– Ну, конечно, магией тоже можно, – сказала ведьма, – но лично я предпочитаю спички. Это гораздо проще, а кроме того, если подумать, спички сами по себе чудо.

Она отвязала чемодан и сказала:

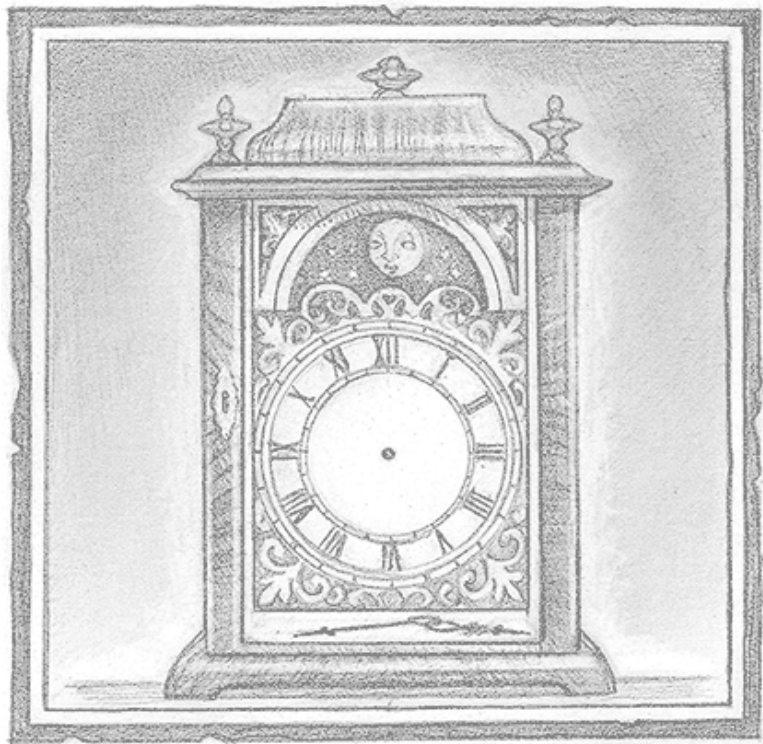
– Что ж, вот мы и дома! Надеюсь, тебе здесь понравится!

Опять этот натужно-жизнерадостный тон... Тиффани по-прежнему подташнивало, кружилась голова, и ей требовалось как можно скорее выяснить, где тут уборная, но даже в таком состоянии её уши всё слышали, а разум не переставал думать. И он подумал: эта жизнерадостность шита белыми нитками. Что-то тут не так...

Глава 3

Её вторая половина

Тётушка Вровень жила в небольшом домике, но Тиф-

фани пока не удавалось как следует рассмотреть его из-за темноты. Вокруг дома сгрудились яблони. Что-то висевшее на ветке коснулось её щеки, качнулось в сторону и тихонько дзинькнуло, когда девочка на подкашивающихся ногах пробиравась вслед за тётушкой. Откуда-то издалека доносился шум падающей воды.

Тётушка Вровень между тем открыла дверь, которая, как оказалось, вела в кухню – маленькую, ярко освещённую и очень чистенькую. В железной печке с плитой весело трещал огонь.

– Эмм... я ведь как бы ученица, – сказала Тиффани, хотя так и не отошла от полёта. – Я заварю чай, только покажите, где лежит посуда и...

– Нет! – выпалила тётушка Вровень, вскинув руки. Похоже, её саму напугала собственная резкость, потому что, когда она опустила руки, они немного дрожали. – Нет, – повторила она уже спокойнее. – У тебя и так был тяжёлый день. Я покажу тебе твою комнату и где тут что и принесу поесть, а к обучению приступим завтра. Спешить некуда.

Тиффани посмотрела на чугунок, тихо побулькивающий на плите, потом на каравай на столе. Её ноздри уловили запах свежесвежипеченного хлеба.

Была у Тиффани одна особенность, которая сильно осложняла жизнь: ей вечно не давал покоя её Дальний Умысел¹¹. И сейчас он заметил: ведьма живёт одна. Кто же тогда

¹¹ Помимо обычного ума, который есть у всех и служит для повседневных мыс-

растопил печь? Вареву в чугушке надо время от времени помешивать. Кто его помешивал? И кто-то зажѐг свечи. Кто?

– Тѣтушка Вровень, здесь живѣт кто-нибудь ещѣ? – спросила она.

Ведьма в отчаянии поглядела на чугунок, на хлеб, потом снова на Тиффани.

– Нет, только я, – сказала она, и Тиффани откуда-то знала, что это чистая правда. Или, по крайней мере, какая-то правда.

– Может, поговорим утром? – произнесла тѣтушка почти умоляюще.

У неё сделался такой несчастный вид, что Тиффани даже стало её жаль. Девочка улыбнулась и сказала:

– Конечно, тѣтушка Вровень.

Хозяйка устроила ей небольшую экскурсию при свечах. Уборная обнаружилась недалеко от домика. Она была рассчитана на двоих, что показалось Тиффани несколько странным. Конечно, может быть, раньше здесь жило больше людей. А ещѣ в доме была комната, отведѣнная только для мытья. Там стояли водяная колонка и большой котѣл, чтобы греть воду. По меркам Родной фермы Тиффани, это была непозволительно легкомысленная трата места в доме и во-

лей, у Тиффани ещѣ был Задний Ум, занятый размышлениями о мыслях. Такой ум имеется у тех, кому нравится думать. А ещѣ один, Дальний Умысел, замечает всё вокруг и думает сам по себе. Мало кто наделѣн им, и зачастую это к лучшему, потому что от него сплошное беспокойство. Но уметь прислушиваться к нему должна всякая ведьма. *(Примеч. автора)*

обще роскошество.

Комната, которую наставница отвела Тиффани, оказалась... миленькой. Пожалуй, это было самое подходящее слово. Повсюду виднелись оборочки или ещё какие-то украшения. Всё, что можно укрыть кружевными салфеточками, было ими укрыто. Кто-то очень старался придать спальне весёлый вид, который будто бы говорил: «Ах, как здорово быть спальней!» Дома у Тиффани в комнате лежал половик из грубой рогожи, стояли на подставке тазик и кувшин для умывания, ещё там были большой деревянный короб для одежды, старый кукольный дом и выдавшие виды ситцевые занавески. Вот в общем-то и всё. На ферме спальни служили, чтобы было где закрыть глаза.

А в этой комнате даже комод стоял. Все пожитки из чемодана Тиффани с лёгкостью уместились в одном из его ящиков.

Кровать, когда девочка присела на неё, не издала ни звука. Дома её кровать была такой старой, что в ней образовалась уютная вмятина, и каждая пружина скрипела на свой лад. Если Тиффани не спалось, она могла, ёрзая на постели, заставить пружины сыграть «Колокола Святого Когтея»: скрип-скряп-взззззнь, блям-плям-уамм, плим-блим-уимм, дзинь-бадам.

И пахло тут совсем не как дома. Тут пахло комнатой, в которой никто не живёт, и чужим мылом.

На дне чемодана Тиффани лежала маленькая деревянная

шкатулка, которую сделал для неё господин Чурбакс, плотник, работавший на ферме. Он не имел привычки к тонкой работе, так что шкатулка вышла довольно тяжёлой. Тиффани хранила в ней... ну, всё то, что хотелось сохранить на память. Там лежал кусок мела с кремнем внутри – такое встречается довольно редко, – а ещё её собственный штамп, которым она делала на кусках сбитого масла отпечатки в виде ведьмы на метле, и камушек с дыркой – на счастье. (Тиффани подобрала его, когда ей было семь лет, потому что услышала, будто такие камни зовут «счастливыми». Она так и не поняла, каким образом дырка делает камень счастливым, но этому камушку, похоже, и правда повезло: он сначала жил у неё в кармане, потом переселился в шкатулку, а мог бы валяться на земле, где его пинали бы люди и норовили переехать телеги.)

Ещё в шкатулке хранились жёлто-голубая обёртка от табака «Весёлый капитан», перо канюка и древний наконечник стрелы, сделанный из кремня и бережно завёрнутый в клочок овечьей шерсти. Такие наконечники часто находили в холмах, Нак-мак-Фигли использовали их для копий.

Тиффани аккуратно расставила вещицы на комод, положив туда же свой дневник, но комната от этого не стала больше напоминать дом. Вещи выглядели потерянными, одинокими.

Она взяла обёртку от табака и клочок шерсти и втянула носом их запах. Конечно, это был не совсем запах старой пас-

тушьей кибитки, но очень похожий, и на глаза у неё навернулись слёзы.

Тиффани никогда раньше не доводилось ночевать за пределами Меловых холмов. Она слышала, что есть такая болезнь – тоска по дому. Может быть, это неуютное щемящее чувство, поднимающееся в душе, и есть...

В дверь постучали.

– Это я, – донёсся приглушённый голос.

Тиффани вскочила с кровати и открыла дверь.

Тётушка Вровень принесла на подносе миску мясного рагу и хлеб. Она поставила поднос на столик у кровати.

– Когда поешь, поставь посуду на пол за дверью, – сказала ведьма. – Я заберу её позже.

– Большое спасибо, – вежливо поблагодарила Тиффани.

В дверях тётушка задержалась и сказала:

– Так хорошо, когда в доме есть с кем словом перемолвиться, не всё ж с собой разговаривать. Я правда очень надеюсь, что ты захочешь остаться, Тиффани!

Тиффани широко улыбнулась ей и дождалась, когда шаги ведьмы стихли внизу. Тогда она на цыпочках прокралась к окну, чтобы проверить, не забрано ли оно решёткой.

Решётки не оказалось. Но в лице тётушки Вровень было что-то такое, отчего дрожь пробирала. В её глазах разом отражались и жажда, и надежда, и мольба, и страх...

Тиффани подошла к двери и убедилась, что она запирается изнутри.

Еда на вкус оказалась совершенно обычным мясным рагу, и было совсем не похоже, что его сделали, ну, к примеру, теоретически ведь и такое могло быть, из той бедняжки, которая работала здесь раньше.

Чтобы быть ведьмой, нужно иметь очень живое воображение. Но в эти минуты Тиффани жалела, что оно у неё настолько живое. Ведь госпожа Ветровоск и мисс Тик не отправили бы её сюда, если бы здесь было опасно? Или как раз наоборот?

А ведь они могли так поступить. Очень даже могли. Ведьмы считают, что лёгкие пути до добра не доводят. Ты должна уметь думать головой. А если не умеешь, значит, и в ведьмах тебе делать нечего. В жизни тоже всё непросто, говорят они. И никто не обещал, что будет легко. Научись учиться быстро.

Но... даже если так, они бы оставили ей шанс на спасение, правда?

Ну конечно.

Почти наверняка.

Тиффани уже почти доела рагу, приготовленное совершенно-точно-без-добавления-человечины, когда что-то невидимое потянуло миску у неё из рук. Усилие казалось очень-очень слабым, и когда девочка машинально придержала миску, мгновенно исчезло, как будто его и не было.

Так-так, подумала Тиффани. Ещё одна странность. Хотя чего удивляться – это ведь домик ведьмы.

Что-то потянуло у неё ложку, но опять-таки отступило, когда девочка не позволила её забрать.

Закончив есть, она положила миску и ложку на поднос и сказала, надеясь, что голос не дрогнет от страха:

– Я поела. Теперь можно.

Поднос плавно воспарил над столиком и поплыл к двери, где и опустился на пол.

Засов сам собой отодвинулся.

Дверь открылась.

Поднос взлетел и уплыл за дверь.

Дверь закрылась.

Засов вернулся на место.

Слышно было, как на тёмной лестнице позвякивает ложка.

Тиффани всегда считала важным подумать, прежде чем что-нибудь делать. И она подумала: было бы очень глупо бегать по дому с дикими воплями только потому, что поднос взял и уплыл. В конце концов, какая бы неведомая сила его ни забрала, она вполне вежливо заперла за собой дверь. Надо понимать, эта сила уважает право Тиффани на уединение, хотя и грубо его нарушает.

Так что Тиффани почистила зубы, переделалась в ночную рубашку и забралась под одеяло. И задула свечу.

Потом снова встала, зажгла свечу и, поднатужившись, передвинула комод так, чтобы подпереть им дверь. Она не смогла бы ответить, зачем сделала это, но на душе

стало спокойнее.

Тиффани снова легла и погасила свечу.

Она привыкла спать под редкое бляение овец и позвякивание колокольчиков на лугах.

Здесь, в горах, некому было бляеть и нечему позвякивать, и всякий раз, когда бляение или звон не раздавались, она подскакивала с мыслью: «Что это было?»

Но потом она всё же заснула, а посреди ночи её разбудил тихий шорох: комод медленно-медленно полз на место.

Тиффани проснулась живой и нерасчленённой, когда небо за окном ещё только начинало сереть перед рассветом. Пели незнакомые птицы.

В доме стояла тишина, и Тиффани подумала: «Я ведь теперь в ученицах, верно? Значит, моя обязанность – прибраться и развести огонь. Я знаю, как оно заведено».

Она села в кровати и оглядела комнату. Её старая одежда была аккуратно сложена на комод. Памятные вещицы с него исчезли, и только после отчаянных поисков выяснилось, что они убраны в шкатулку на дне чемодана.

– Значит, так, – сказала Тиффани, обращаясь к комнате в целом. – Я – карга, понятно? Так что, если здесь есть Нак-мак-Фигли, сейчас же покажитесь!

Ничего не произошло. Да она и не думала, что произойдёт. Нак-мак-Фигли не были такими уж рьяными любителями наводить порядок.

Тогда Тиффани переставила подсвечник с прикроватного столика на комод и отошла. И снова ничего не произошло.

Она отвернулась к окну, и в этот самый миг что-то тихонько тукнуло.

Когда Тиффани резко повернулась обратно, подсвечник уже стоял на столике.

Так-так... Что ж, сегодняшний день станет днём ответов на вопросы. Тиффани слегка разозлилась, и ей понравилось это состояние. Оно помогало не думать о том, как же нестерпимо ей хочется домой.

Она стала одеваться и вдруг нащупала в кармане платья мягкий свёрток.

Как же она могла забыть! Но день был таким долгим, таким насыщенным... а может, ей и хотелось забыть.

Тиффани достала подарок Роланда и бережно развернула белую упаковочную бумагу.

Украшение на цепочке.

Лошадь.

Тиффани уставилась на неё во все глаза.

Не про то, как лошадь выглядит, а про то, что лошадь есть на самом деле. Её сделали, срезав дёрн до самого мела, много-много лет назад, когда даже сама история ещё не началась. И тем, кто её сделал, удалось несколькими плавными линиями передать то, что составляет лошадиную суть: силу, грацию, красоту, стремительность. Лошадь как будто пыталась сорваться со склона холма и умчаться вдаль.

А потом, совсем недавно, кто-то догадался сделать её из серебра. У этого человека определённо хватало ума и таланта, и изделия его наверняка стоили дорого. Серебряная лошадь была плоской, в точности как настоящая Белая Лошадь, и, как у настоящей Белой Лошади, некоторые составлявшие её линии не соединялись с другими. Но мастер скрепил детали тонюсенькими серебряными цепочками, и Тиффани, в восторге взяв украшение в руки, обнаружила, что эта Лошадь совсем как настоящая, стремительная в своей неподвижности.

Её просто необходимо было примерить. Но в комнате не имелось ни одного зеркала, даже маленького. Что ж...

– Меня видно, – сказала Тиффани.

Далеко-далеко, на равнинах, нечто, потерявшее след, встрепенулось. Мгновение ничего не происходило, потом туман над полем расступился, и что-то невидимое двинулось к горам, жуужжа, как туча мух.

Тиффани закрыла глаза, сделала пару шажков в сторону, несколько шагов вперёд, осторожно повернулась и открыла глаза. Она стояла перед собой, неподвижная, будто нарисованная. Лошадь прекрасно смотрелась поверх нового платья, серебряная на зелёном.

Интересно, сколько Роланд за неё заплатил? И почему?

– Меня не видно.

Тиффани медленно сняла цепочку, снова завернула подарок в бумагу и положила в шкатулку, к прочим вещам из дома. Потом отыскала одну из открыток с видом на Дверубахи и огрызок карандаша и вдумчиво, старательно написала Роланду несколько слов благодарности. Тут совесть напомнила о себе, и Тиффани использовала вторую открытку, чтобы дать знать родителям, что она пока что вполне жива-здорова.

В задумчивости она пошла вниз.

Вечером в потёмках было мало что видно, поэтому она только сейчас заметила, что стена вдоль лестницы вся заклеена старыми афишами, где каждая строчка была напечатана буквами разного размера и стиля. Они извещали о чём-то вроде:

¹² ...в цирке профессора Монти Угорайтона! Т. Пратчетт обыгрывает название британского комедийного скетч-сериала «Летающий цирк Монти Пайтона» («*Monty Python's Flying Circus*») комик-группы «Монти Пайтон»: сериал выходил на BBC в 1969–1974 гг. Благодаря своему новаторскому абсурдистскому юмору участники «Монти Пайтона» (всего шесть человек) входят в число самых влиятельных комиков всех времён. Группа также выпустила несколько полнометражных фильмов (фильм «Монти Пайтон и Святой Грааль» по сей день остаётся одной из остроумнейших интерпретаций артуровского мифа), выступала с концертами, выпускала музыкальные альбомы и книги.

красок и слов в маленьком домишке посреди леса смотрелось несколько неуместно.

Тиффани отыскала кухню. Там было холодно и тихо, только тикали висевшие на стене часы. Обе стрелки отвалились и лежали внизу стеклянной крышки циферблата – хотя часы и продолжали отмерять время, они не собирались никому его показывать.

Кухня выглядела на удивление аккуратной и чистой. В тумбочке под раковиной был ящик, где ложки, вилки и ножи лежали строго по своим отделениям. Что-то в этом порядке встревожило Тиффани. Во всех кухонных ящиках, которые ей доводилось видеть, порядок когда-то задумывался, но с течением времени оказывался безнадежно погребён под поварёшками, которые не помещались ни в одно из отделений, и гнутыми штопорами. Из-за этого ящики вечно норовили застрять, и для каждого надо было знать хитрый способ, которым его можно открыть.

Решив кое-что проверить, Тиффани взяла ложку и положила её к вилкам. Закрыла ящик и повернулась к нему спиной.

Раздался шорох дерева по дереву, потом одинокий металлический звяк – именно такой звяк, какой могла бы издать ложка, вернувшись к своим товаркам, которые страшно по ней соскучились и горят желанием услышать, как ей жилось среди этих страшных заточенных грубиянов.

Тогда Тиффани переложила нож к вилкам, закрыла

ящик – и навалилась на него всем весом.

Сначала ничего не происходило, потом приборы в ящике задребезжали. Шум стал громче. Ящик задёргался. Вся тумбочка под раковиной заходила ходуном...

– Ладно, – сказала Тиффани, отпрыгнув от неё. – Делай, как считаешь нужным.

Ящик резко выдвинулся, нож серебряной рыбкой перепрыгнул в отделение для ножей, и ящик с грохотом встал на место.

Наступила тишина.

– Кто ты? – спросила Тиффани.

Ответа не было, но в воздухе повисло неприятное ощущение – Тиффани почувствовала, что очень сильно обидела кого-то. Не стоило так глупо шутить.

Она поспешно вышла в сад. Шум воды, который она слышала вечером, как выяснилось, издавал водопадик недалеко от дома. Небольшое водяное колесо поднимало воду во вместительный каменный резервуар, оттуда шла труба к дому.

В саду оказалось полным-полно украшений. В основном это были унылые дешёвые поделки – безумно ухмыляющиеся кролики, глиняный олень с выпученными глазами, гномы в красных колпачках и с такими лицами, будто какой-то лекарь в эту самую минуту проделывал с ними что-то весьма неприятное.

С яблоневого веток и вкопанных в землю столбов свисали... странные штуковины. Было там несколько ловцов снов

и верёвочных оберегов, какие иногда вешали перед домами на холмах. Другие выглядели как большие путанки, они тихонько кружились и позвякивали на ветру. Третьи... Нет, одна штуковина была, похоже, птицей, сделанной из старых щёток, но большинство с виду напоминали просто связки всякого мусора. И очень странного мусора. Тиффани показалось, что некоторые из них чуть шевелились, когда она проходила мимо.

Когда она вернулась в дом, тётушка Вровень уже сидела за кухонным столом.

И тётушка Вровень тоже.

Её было две.

– Прости, – сказала тётушка Вровень справа, – но я подумала, что лучше прояснить всё прямо сейчас.

Ведьмы были похожи как две капли воды.

– А, – кивнула Тиффани. – Понятно. Вы близнецы.

– Нет, – покачала головой тётушка Вровень слева, – я не близнецы. Возможно, тебе будет трудно...

– ...это понять... – подхватила без паузы вторая тётушка Вровень. – Ну хорошо... Ты слышала...

– ...что некоторые близнецы якобы могут улавливать мысли и чувства друг друга? – спросила первая тётушка Вровень.

Тиффани кивнула.

– Ну так вот, – продолжала вторая тётушка Вровень. – А со мной, боюсь, всё немного сложнее. Я...

– ...один человек, у которого два тела, – договорила первая тётушка Вровень, и они продолжили, будто играя словами в теннис:

– Я хотела сказать тебе об этом...

– ...помягче, в подходящий момент, потому что некоторым людям...

– ...трудно принять это, у них...

– ...от меня мурашки по коже...

– ...и вообще...

– ...жуть берёт.

Оба тела умолкли.

– Прости за последнюю фразу, – сказала наконец левая тётушка Вровень. – Обычно я так не делаю, только когда волнуюсь.

– То есть вы хотите сказать, что вы обе... – начала Тиффани, но правая тётушка Вровень перебила её:

– Нет никаких «нас обеих». Только я, понимаешь? Знаю, это непросто. Смотри, у меня есть правая правая рука, левая правая рука, правая левая рука и левая левая рука. И все они мои. Тиффани, я могу пойти за покупками и при этом остаться дома. Если тебе так будет проще, считай, что я – это один...

– ...человек, у которого четыре руки...

– ...четыре ноги и...

– ...четыре глаза.

Все эти четыре глаза в тревожном ожидании смотрели

на Тиффани.

– И два носа, – сказала она.

– Точно. Всё-то ты замечаешь. Моё правое тело чуть более неловкое, чем левое, зато правая пара глаз лучше видит. Я такой же человек, как ты, просто меня немного больше.

– Но одна из вас... то есть одна ваша половина, – быстро исправилась Тиффани, – прилетела аж в Дверубахи, чтобы встретить меня.

– Да, я умею разделяться, – сказала тётушка. – И очень даже неплохо. Хотя если я удаляюсь от меня миль на двадцать, то становлюсь немного неуклюжей. А теперь, пожалуй, нам с тобой неплохо бы выпить по чашечке чаю.

Тиффани и опомниться не успела, как обе тётушкины половины встали и подошли к буфету.

Девочка во все глаза уставилась на удивительное действо: как один человек заваривает чай в четыре руки.

Чтобы накрыть стол к чаю, нужно сделать довольно много всего, и тётушка Вровень делала всё это одновременно. Два тела, стоя бок о бок, передавали из рук в руки чайник, чашки и ложки, словно в тщательно отрепетированном балете.

– Когда я была маленькая, все думали, что я – близнецы, – сказала ведьма через плечо. – А потом... они решили, что я – воплощение зла, – закончила она через другое плечо.

– И они были правы? – спросила Тиффани.

Обе половины тётушки Вровень с потрясённым видом по-

вернулись к ней:

– Разве можно задавать людям такие вопросы!

– Ммм... но это же очевидный вопрос, – сказала Тиффани. – Ведь если человек в ответ скажет: «Да, я – воплощение зла! Муа-ха-ха!», это сэкономит кучу времени, верно?

Четыре глаза пристально вгляделись в неё.

– Госпожа Ветровоск была права, – проговорила тётушка Вровень. – Она сказала, что ты – ведьма с головы до башмаков.

Тиффани в глубине души раздулась от гордости.

– Так вот, немного об очевидном, – начала тётушка Вровень. – Часто оно оказывается... А что, госпожа Ветровоск и правда сняла перед тобой шляпу?

– Да.

– Возможно, когда-нибудь ты поймёшь, какой великой чести удостоилась. Ну ладно, я – не воплощение зла. Хотя, наверное, я могла бы вырасти злой. Моя мать умерла вскоре после моего рождения, отец тогда был в море, да так и не вернулся...

– В море жуткие дела творятся, – вставила Тиффани.

Ей часто говорила это матушка Болен.

– Это так, и может быть, с ним правда что-то случилось, а может, он и не собирался возвращаться... – ровным тоном сказала ведьма. – В общем, меня отправили в приют. Отвратительная еда, ужасные наставницы, и к тому же я попала в самую плохую компанию из возможных – в свою собствен-

ную. Ты не поверишь, какие вещи можно проделывать, если у тебя два тела. Все, конечно, думали, будто я – близнецы. А потом я убежала, прибилась к бродячему цирку и стала выступать с ним. Я! Можешь такое себе представить?

– Топси и Типси, чтение мыслей на расстоянии? – предположила Тиффани.

Тётушка Вровень застыла с открытым ртом.

– Я прочитала афиши на лестнице, – пояснила девочка.

Ведьма выдохнула:

– Ах да... Конечно. А ты... очень быстро соображаешь, Тиффани. Да... И всё замечаешь, верно?..

– Во всяком случае, я бы ещё подумала, стоит ли платить отдельные деньги за антре, – сказала Тиффани. – Конечно, так называют выступления клоунов, но в прямом смысле это «вход»¹³. Просто такое щепотанское слово.

– Умница! – похвалила госпожа Вровень. – Монти повесил указатель, чтобы люди заходили в павильон «Верю-не-верю»: «Антре – 1 цент!» Все, конечно, думали, что в павильоне будут разыгрывать смешные сценки, а за дверью стоял человек со словарём иностранных слов и объяснял им, за что они заплатили. Ты когда-нибудь была на цирковом представлении?

– Однажды, – призналась Тиффани. – Но это оказалось не особенно весело. Когда люди слишком уж стараются

¹³ Знать словарь почти что наизусть от корки до корки иногда бывает полезным.
(Примеч. автора)

всех насмешить, чаще всего получается совсем не смешно. Там был поеденный молью и почти беззубый лев, канатоходец, который шёл по канату на высоте нескольких дюймов, и ещё метатель ножей – он всё бросал и бросал ножи в тётеньку в розовых рейтузах, привязанную к деревянному кругу, но так ни разу и не попал. Настоящее веселье началось уже после представления, когда клоуна сбила повозка.

– Мой цирк был намного больше, – отозвалась тётушка Вровень. – Хотя наш метатель ножей, насколько я помню, тоже всё время мазал. Но зато у нас были слоны, и верблюды, и лев, такой свирепый, что однажды чуть не откусил человеку руку.

Тиффани была вынуждена согласиться, что это звучит гораздо интереснее.

– А вы-то? – спросила она.

– А что я? Прогнала льва и перевязала тому человеку рану...

– Понятно, но я имела в виду, что вы делали в цирке, тётушка Вровень? Просто читали собственные мысли?

Ведьма счастливо улыбнулась:

– Да, и это тоже, но ещё много чего. Я надевала другие парики и выступала как Невероятные Сёстры Летурниор. Я жонглировала тарелками, и у меня были костюмы, усыпанные блёстками. А ещё я работала с канатоходцами. По канату, конечно, не ходила, просто улыбалась публике и сверкала блёстками. Все думали, что я – близнецы, к тому же цирко-

вые вообще не любят совать нос в чужие дела... И вот так, потихоньку, полегоньку, то одно, то другое, и в конце концов я оказалась здесь и стала ведьмой.

Обе половины тётушки Вровень внимательно уставились на девочку.

– Последняя фраза получилась довольно длинной, – заметила Тиффани.

– Что верно, то верно, – согласилась тётушка. – Но всего я рассказать не могу. Ну как, ты ещё хочешь у меня учиться? Три девочки до тебя предпочли уйти. Многие считают, что я немного... со странностями.

– Ммм... я останусь, – медленно проговорила Тиффани. – Меня только немного смущает, что в этом доме что-то двигает вещи.

Ведьма удивлённо моргнула, потом спросила:

– А, ты говоришь про Освальда?

Тиффани пришла в ужас:

– По дому ходит невидимый мужчина по имени Освальд, который может запросто зайти ко мне в спальню?!

– Ой, нет, вовсе нет! Освальд – не мужчина, он целтергейст. Ты ведь знаешь, что такое полтергейст?

– Это такие... невидимые духи, которые всё разбрасывают?

– Верно, – кивнула госпожа Вровень. – А целтергейст – в точности наоборот. У него пунктик насчёт порядка. Он очень помогает мне по дому, но готовить, когда он на кух-

не, – суший кошмар. Стоит отложить что-то на секунду, он тут же это убирает. По-моему, уборка доставляет ему удовольствие. Прости, я бы предупредила тебя, но Освальд обычно не даёт о себе знать, когда в доме появляются незнакомые люди. Он такой застенчивый...

– И всё-таки он мужчина? В смысле – дух мужского рода?

– Кто знает? У него ведь нет тела, он невидимка. Я зову его Освальдом просто потому, что он представляется мне маленьким встревоженным человечком с совком и шваброй. – Это говорила правая половина тётушки, а левая тем временем тихонько посмеивалась. Выглядело это странно и, если подумать, довольно жутко.

– Ну ладно, с этим разобрались, – сказала правая тётушка Вровень, снова занервничав. – Хочешь ещё о чём-нибудь спросить, Тиффани?

– Да, если можно, – сказала девочка. – Что я должна делать? Чем вы сами занимаетесь?

Как оказалось, тётушка Вровень в основном занималась работой по дому. Работой, которой не было ни конца ни краю. Тренировки на метле, уроки чар и заклинаний, введение в науку остроконечных шляп – всем этим тут и не пахло. Домашняя работа в доме тётушки включала в себя по большей части... работу по дому.

Тётушка Вровень держала несколько коз. Официально предводителем стада считался Вонючка Сэм, у которого был

отдельный сарай и которого держали на цепи. Но на самом деле главной была Чёрная Мэг. Она смиренно стояла, пока Тиффани доила её, а потом осторожно и обдуманно ставила копыто в ведро с молоком. Это была такая козья проверка на вшивость. Тем, кто привык иметь дело с овцами, нелегко приспособиться к козам, потому что коза – это та же овца, но с мозгами. Однако Тиффани и прежде видела коз – несколько хозяев в деревне держали их ради молока, ведь оно такое питательное. И она знала, что с козами надо применять персикологию¹⁴. Если начать орать, бегать по стенкам и лупить козу (отчего тебе же будет больнее, потому что коза внутренним устройством смахивает на мешок, набитый вешалками для одежды), упрямая скотина решит, что она Победила и ухмыльнётся по-козлиному, то есть почти по-человечески.

Уже на следующий день Тиффани нашла правильный подход. Главное – перехватить заднюю ногу Мэг в тот самый момент, когда коза поднимет её, чтобы опустить в ведро. Мэг от этого теряет равновесие и нервничает, и другие козы ухмыляются, рассудив, что Победила Тиффани.

Ещё были пчёлы. Тётушка Вровень держала несколько ульев на маленькой полянке, которая так и гудела. Прежде чем открыть улей, тётушка заставила Тиффани надеть за-

¹⁴ Тиффани знала, что такое психология, но это ведь был толковый словарь, а не орфоэпический – как правильно произносить слово, там не объяснялось. (Примеч. автора)

щитную сетку и перчатки. Сама ведьма тоже надела защитную одежду.

– Конечно, – заметила она, – если ты осторожна и внимательна и к тому же являешься цельной и гармоничной личностью, пчёлы тебя не ужалят. Беда в том, что не все пчёлы знакомы с этой теорией. Доброе утро, Улей Номер Пять, это Тиффани, она какое-то время будет жить с нами...

Тиффани была готова услышать, как улей в ответ ужасно пронзительно прожужжит что-нибудь вроде: «Доброе утро, тётушка Вровень!» Не прожужжал.

– Зачем вы с ними разговариваете? – спросила она.

– О, с пчёлами обязательно нужно говорить, – заверила её тётушка. – Если не делать этого, можно навлечь несчастье. Я обычно прихожу поболтать с ними вечером. Поделиться слухами и сплетнями, ну, сама понимаешь... Каждый пчеловод знает, как важны разговоры с пчёлами.

– А с кем говорят сами пчёлы? – спросила Тиффани.

Обе тётушкины половины ей улыбнулись:

– Наверное, с другими пчёлами.

– Тогда получается... если понимаешь язык пчёл, можно знать всё, что происходит вокруг? – не отставала Тиффани.

– Знаешь, забавно, что ты об этом заговорила... – откликнулась тётушка Вровень. – Ходят слухи, что... Но для этого надо научиться думать как пчелиный рой. Один разум на тысячу крохотных тел... Это слишком сложно, даже для меня. – Она многозначительно переглянулась сама с собой. –

Однако я не утверждаю, что это невозможно.

Следом за пчёлами шли травы. Возле дома было много грядок с травами, хотя мало что из растущего там годилось, чтобы нашпиговать индейку. В это время года многие травы как раз надо было собирать и сушить, особенно те, в которых важны корешки. Тиффани нравилось возиться с травами. Тётушка Вровень знала в них толк.

Существует так называемая Теория Подобия. Суть её примерно такова: когда Творец Вселенной придумывал всякие полезные растения, он (или, по некоторым версиям, она) позаботился о том, чтобы их внешний вид подсказал людям, для чего то или иное растение применять. Растение, которое помогает от зубной боли, должно быть похоже на зуб, от боли в ушах – на ухо, то, которое полезно при насморке, сочится зелёной слизью, и так далее. Многие люди в это верят.

Чтобы следовать этой теории, нужно хорошее воображение (хотя в случае носопырки текучей особой воображения не требуется), а в мире Тиффани Творец подошёл к вопросу ещё более... творчески. На некоторых растениях там можно найти письменные пояснения, надо только знать, где искать. Правда, прочесть эти пометки не всегда легко – растения ведь орфографии не знают. Большинство людей об этом не подозревают и продолжают пользоваться освящёнными веками методом, чтобы выяснить, ядовито растение или его можно есть: проверяют незнакомую травку на какой-нибудь ненужной престарелой родственнице. Но тётушка Вровень

изобрела новый подход и надеялась, что он облегчит жизнь многим людям, а престарелым родственницам её ещё и продлит.

– Это ложная горечавка, – с довольным видом объясняла она Тиффани, когда они трудились в мастерской, пристроенной к дому сзади. – Все думают, что это просто ещё одно растение, облегчающее зубную боль. А теперь возьми-ка моё голубое увеличительное стекло и посмотри на её корень в выдержанном лунном свете...

Тиффани сделала, как было сказано, и прочла:

Ат Прастуды

Можт высывать сонливост

Заприсчается выпалнение работ связанных с рыском нищасных случаев.

– Куча ошибок, но для полевого цветочка совсем неплохо, – заметила тётушка Вровень.

– Вы хотите сказать, растения в самом деле говорят, как их лучше использовать? – не поверила Тиффани.

– Ну, не все, и к тому же надо знать, где смотреть, – сказала тётушка Вровень. – Вот, например. Это обычный грецкий

орех. Взгляни на него через зелёное увеличительное стекло при свете свечки, сделанной из красного конго...

– «Может содержать орех». Но ведь это и так понятно! Если расколоть скорлупу, обычно получаешь орех. Гм... или нет?

– Не обязательно, – сказала тётушка Вровень. – Там может оказаться изящная миниатюрная гравюра на золоте или крошечная модель прекрасного храма из далёкой-далёкой страны, сделанная из драгоценных камней... Я хочу сказать, это возможно, – добавила она, заметив взгляд Тиффани. – Это не противоречит законам природы как таковым. Мир полон сюрпризов.

Этим вечером у Тиффани набралось куда больше мыслей, чтобы записать в дневнике. Дневник она вновь положила на комод и придавила сверху большим камнем. Освальд, похоже, намёк понял, зато принялся полировать камень.

А теперь назад и выше, и вот домик уже остался далеко внизу, и мы летим сквозь ночь...

Дальше, дальше, оставляя позади мили и мили, и нечто невидимое, жужжащее, как туча мух, медленно, но неуклонно катящееся над полями...

Летим дальше, дороги, городки и деревья мелькают со свистом, и вон внизу раскинулся большой город, а в городе почти в самом его центре – огромная старинная башня, а у подножия башни – древний магический университет,

а в университете – библиотека, а в библиотеке – стеллажи, а среди стеллажей... наше путешествие только-только начинается.

Мимо проносятся книжные полки. Книги на них прикованы цепями. Некоторые тома так и норовят цапнуть.

Вот мы попадаем в отдел ещё более опасных книг – их приходится держать в клетках, или в кадках с ледяной водой, или просто зажатými между свинцовыми пластинами. Но одна книга, полупрозрачная, испускающая загадочное сияние, хранится под стеклянным колпаком. Начинаящим волшебникам, которым не терпится предпринять рискованные магические исследования, предлагают прийти сюда и почитать эту книгу.

На обложке значится: *«Роитель: Научный трактат о невиданно хитроумном устройстве»*, автор – Обижулити Хлопстел, Д-р Маг. Фил., маг-р ОЧКВТР, Непревзойдённый Профессор Магических Наук. Большая часть книги посвящена тому, как собрать огромную и мощную волшебную машину, которая позволяет поймать роителя так, чтобы он не причинил вреда изыскателю. Однако на последней странице Обижулити Хлопстел пишет (точнее, писал):

Согласно древней рукописи *Res Centum et Una Quas Magus Facere Potest*¹⁵, роители есть разновидность демонов. И в самом деле, профессор Полистрах именно к таковым относит их в «Моей первой

¹⁵ «Сто и одна вещь, которую может сотворить волшебник» (лат.).

книге про демонов», а Суслоу в LIBER IMMANIS MONSTRORUMS¹⁶ посвятил им раздел в главе «Духи-скитальцы». Однако тексты, обнаруженные в Пещере Кувшинов злополучной Первой экспедицией в область Локо, дают совершенно иную картину, которая лишь подтверждает мои отнюдь не маловажные изыскания.

Роители появились в первые же секунды Творения. Они не относятся к живым существам, однако обладают, как выясняется, особой формой жизни. Они лишены собственного тела, мозга или мыслей, и роитель как таковой обычно представляет собой пассивное создание, безвольно скитающееся в бесконечной ночи между мирами. Согласно Полистраху, большинство из них заканчивают свои дни на океанском дне, в жерлах вулканов или в сердце звёзд, куда их заносят бесцельные странствия. Полистрах, в отличие от меня, не отличался глубиной мысли, однако в данном вопросе он прав.

И всё же роитель испытывает страх и тоску. Неизвестно, чего боятся роители, но, судя по всему, они стремятся найти убежище в телах живых существ, наделённых той или иной силой, будь то сила физическая, сила ума или же способность подчинять себе магию. В этом отношении они напоминают хорошо известного слона-отшельника из Очудноземья, *Elephantus Solitarius*, который пребывает в вечном поиске самой прочной глинобитной хижины, чтобы использовать её как свою раковину.

¹⁶ «Чудовищная книга чудовищ» (лат.).

По моему глубокому убеждению, роители стали истинной причиной развития жизненных форм. Что заставило первую рыбу покинуть морские воды и выползти на сушу? Как людям пришло в голову приручить столь опасную стихию, как огонь? У меня нет сомнений, что к этому их подтолкнули роители. Именно они разожгли в сердце наиболее выдающихся представителей различных видов должное стремление к величайшим достижениям, заставив их тянуться к новым высотам! Что есть цель поисков роителя? К чему он стремится? Каковы его желания? Это мне и предстоит выяснить!

О, разумеется, менее одарённые волшебники предупреждают, что роитель воздействует на разум, в котором находит убежище, самым неприятным образом: мысли начинают путаться, мозговое вещество сворачивается, как скисшее молоко, и носитель рано или поздно умирает от воспаления мозга. Но я говорю: всё это чепуха! Люди всегда боятся того, чего не понимают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.